

мон ь Раифский Богородицкий монастырь Раифски
ежегодное православное издание

Раифский
ВЪЯВЛЯЮТ

2017

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви.
Свидетельство N 167
от 6 октября 2011 г.

O+

По благословению
митрополита
Казанского и Татарстанского
ФЕОФАНА
(Ашуркова)

Раифский АЛЬМАНАХ

**Учредитель
и издатель:**

православная религиозная организация
Епархиальный Раифский
Богородицкий мужской монастырь

Главный редактор:

О.М. Крестинина

Рисунки:

Галина Расческова

Адрес редакции и издателя:

422537, Раифский монастырь,
п. Раифа, Зеленодольский р-он, РТ

E-mail: raifa@raifa.ru

<http://www.raifa.ru>

Тел. (84371) 3-47-59

Издательский отдел

**Раифского Богородицкого монастыря,
2017. — 112 с.**

П Я В Н Я Т Е М Я

Т Е М Я

выпуска 2017

«Раифского Альманаха» —
100-летие с начала
революционных событий
в России и последовавших
за ними богоборческих гонений:
для Русской Православной Церкви
эта памятная дата стала поводом
для осмысления ее исторического
пути за последнее столетие,
подвига новомучеников
и исповедников Церкви Русской...

1
Богоразумие

«...кому
Церковь
не мать,
тому Бог
не отец...»

святитель
Киприан

2

наследие

3

*из семейной
летописи*

пора-
испы-
ься на

дорогого
объдного
доблест-
...альню

4

грядь

5

публицистика

«...Новомучени-
ки — опора и дня
сегодняшнего...»

**митрополит
Казанский
и Татарстанский
Феофан**

монастырь Раифский Богоро-
и Богородицкий мужской моно-

ский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богор
и мужской монастырь Раифский Богор

СТОЛЕТИЕ 1917/18-2017

14 4 11 23

РАЙФСКИЙ ПОГОРОДИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Райфский Богородицкий мужской монастырь

**ЦАРСКИЕ МУЧЕНИКИ
И СТРАСТОТЕРПЦЫ
ИКОНА СЕМЬИ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II**

М.А. Маханько

стр. 10

**ПАМЯТИ
НОВОМУЧЕНИКОВ
РАИФСКИХ**

М.А. Маханько

стр. 15

1

Благодетельства

настырь Раифский Богоро
Богородицкий мужской мо

раифский Богородицкий мужской монастырь
ицкий мужской монастырь Раифский Богоро

**Мария
Александровна
МАХАНЬКО,**

кандидат
искусствоведения,
сотрудник
Церковно-научного
центра
«Православная
энциклопедия»
(г. Москва)

Икона Царские мученики и Страстотерпцы

В ЦЕРКВИ во имя апостола Иоанна Богослова в селе Большие Ключи, подворья Раифского монастыря, находится икона с образом святых Царственных мучеников и Страстотерпцев, семьи последнего Русского государя, царя и императора Николая II Александровича.

Вокруг большого, усыпанного крупными жемчужинами запрестольного восьмиконечного (русско-го) креста стоят сам государь с супругой, императрицей Александрой Федоровной. Рядом изображены старшие дочери, цесаревны Ольга и Татьяна. Перед старшими выступают младшие дети, цесаревны Мария и Анастасия, вполоборота обернувшиеся к наследнику, цесаревичу Алексею Николаевичу, место которому уготовано прямо перед лицом родителей и у подножия креста. На золотом фоне, покрывающем поля и средний образа, фигуры святых сияют нежными, негромкими оттенками одежд. Икона написана по образцу той, которая располагается на месте мученической гибели святых, в далеком уральском Екатеринбурге (советском Свердловске), у Ганиной Ямы. Там, как и на большеключинском образе, государь облачен в царские одежды Древней Руси —

округлую шапку с меховой опушкой и жемчужной обнизью, платье из иноземной узорчатой ткани синего цвета и с бармами на плечах. Все остальные, прежде всего, жена и девы, показаны в одеждах, подобающих чину святых жен и мучениц: государыня в платье из такой же, как и у супруга, синей ткани с узором на рукавах и подоле, с главой, покрытой вишневым покровом и белым платом, на который возложена городчатая золотая корона с камнями и жемчугами; царевны — в таких же платьях из тканей светлых оттенков синего и сиреневого цветов, накидки старших опоясывают их станы, подчеркивая целомудрие и девичью скромность. Младшие дети, принявшие мученическую кончину наравне со старшими членами семьи и другими домочадцами, выделены и цветом одежд, девочки — в платьях белых и розовых, цесаревич — в рубашке с золотым шитьем и пурпурного цвета, как порфирородный наследник и невинная жертва, и увенчаны такими же богатыми городчатыми венцами. В цветовой гамме этой иконы яркий красный цвет не выделяется и почти не используется, за исключением цвета камней на венцах и цвета надписаний. Одежды венценосцев розовые,

багряные, но не кричаще кровавые. Цветом мастер символично призывает напоминать об их мученической гибели и предсмертных страданиях, а чтобы подчеркнуть их единство, духовное и душевное «сродничество», сближающее их небесным, ангельским образом. Видимо, отсюда главными оказались оттенки совсем других цветов — синий, голубой, пурпуровый.

При всей уникальности в облике царственной семьи российских мучеников повторяются образы других семей, причастных великой святости и великому страданию. Государь и государыня по сторонам креста уподоблены царственным равноапостольным ревнителям христианской веры — царю Константину Великому и его августейшей матери, царице Елене, обретшей Святой Крест и отстроившей в Иерусалиме множество церквей на местах, помнивших стопы Спасителя и его святых последователей. Государыня-мать в окружении дочерей походила на всемирно любимых и чтимых Западом и Востоком христианского мира святых мучениц раннего периода, сестер Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию. Цесаревич, хотя и принял смерть не дожив до 14 лет, будучи уже вполне отроком и даже молодым человеком (особенно на фотографиях военного времени, в солдатской форме и с Георгиевским знаком в петличке), показан как Младенец, стоящий подле матери — и этим напоминает других младенцев-страдальцев из ранней и поздней христианской истории, например, святого Кирика-исповедника, убиенного вместе с матерью, святой Иулиттой в малоазийском го-

роде Тарс при римском императоре Диоклетиане примерно в 305 году н. э.; или младенца Гавриила, замученного в 1690 году в белорусском (западно-русском) Белостоке.

Святых царей и государей много в христианском мире. Практически каждое христианское государство за время своей истории получало святого правителя. Не были исключением и славянские народы. Вспомним династию Неманичей, с которой связан национальный и культурный подъем сербского государства — в его начале стояли правитель, принявший монашество, и его сыновья, «святые крали (цари — Авт.)». Благочестие правителя составляло в средние века залог успеха и состоятельности его страны и народа. Чудеса, связанные с правителями, входили в число чудес всемирных святых — как исцеление ослепленного Стефана Уроша III Дечанского самим святителем Николаем Чудотворцем. Так и новопросвещенные народы получали пример христианского смирения и терпения от своих собственных государей и первых лиц.

Облик последнего русского венценосца в одеждах Московской Руси, которые представляются современному зрителю сильной и непонятной «натяжкой», не были столь ему чужды. Последний государь как православный человек и как политический деятель, лично переживший юбилей своей династии, т. е., всего своего рода (300 лет в 1913 году), воспринимал себя как истинного наследника своих далеких предков. В юбилее династии 1913 г. он видел не повод для личного величия, которого ему с лихвой хватало как правителю крупнейшей державы в Европе и второй по величине в остальном мире (после Британской империи). Празднования 300-летия династии Романовых должны были напоминать о

героическом прошлом самой страны, стойкости и жизнеспособности ее народов, их удивительном умении быть сплоченными перед лицом внешней угрозы и верности Православию. Еще за десять лет до юбилея династии в Зимнем дворце Санкт-Петербурга прошел костюмированный бал, все участники которого, от правящей четы до сиамского принца, были облачены в русские костюмы XVII века. Об этом можно судить по фотографиям, сделанным под впечатлением от бала. Самодержец и его супруга были не в коронационных облачениях московских царей, там не было шапки Мономаха. Но даже по фотографиям становится очевидно, что для них одежда предков из далекой по времени Московии не была чем-то экзотическим и варварским. Их позы, осанка и жесты, выражения лиц, еще не подозревающих о будущих страданиях за веру и Отечество, свидетельствуют о достоинстве и гордости за собственное прошлое — о лучших качествах, дефицит которых испытывает человек нынешнего века.

Не раз было замечено, что история христианского, православного

Русского государства в начале и в конце своем отмечена «страстями» - подвигом мучительного исповедничества, аналогичного тому, который претерпел сам Спаситель. Летом 1015 года были замучены своим братом юные князья Борис и Глеб Владимировичи, младшие сыновья крестителя Руси, равноапостольного князя Владимира. Они стали почти сразу после гибели чудотворцами и покровителями правящего княжеского дома.

Летом 1918 года произошло страдание последнего государя Православной России, императора Николая Александровича, его жены, наследника и дочерей, а также оставшихся с ними последних, самых преданных домочадцев. Полеми святого заступничества стали земля Русская, земля православная, простые люди, чудеса для которых по их молитвам они творят и до сего дня. И воспоминанием об этом может служить любая икона с их образами, в таком же храме как большеключинская Богословская церковь в окрестностях Раифы, среди запovedных казанских лесов.

Раифский Богородицкий мужской монастырь

**Мария
Александровна
МАХАНЬКО,**

кандидат
искусствоведения,
сотрудник
Церковно-научного
центра
«Православная
энциклопедия»
(г. Москва)

Памяти Новомучеников

Раифских
иеромонахов

ОТМЕЧАЯ 100-летнюю годовщину начала эпохи гонений на Церковь и в связи с этим говоря о Поместном соборе и Царственных Страстотерпцах, невозможно не упомянуть о других новомучениках, связанных уже непосредственно с Раифой всей жизнью своей во Христе и последним подвигом. Из современного дня кажется удивительным и почти близоруким то невнимание к растущему в российском обществе расколу всего и вся на протяжении весны-осени 1917 года, проявленное жившими тогда людьми. Не верится, что даже православные люди, служители Церкви могли воспринимать Февральскую революцию как событие, совершившееся на благо Отечества, и что именно Православной Церкви в России придется принять на себя удар той волны неприятия, злобы и насилия, которая развернется на протяжении 1920-1930-х годов, со стороны уже совсем иной власти. Это гонение на Церковь со стороны коммунистического государства во второй четверти XX века было сравнимо по масштабу, последовательности и жестокости с эпохой раннего христианства (первая половина IV века). Среди тех, кого оно коснулось, были и шестеро насельников Раифского монастыря, собравшихся на престольный праздник, 27 января 1930 года в стенах уже закрытой, но по-прежнему бесконечно милой им обители. За это они были арестованы и расстреляны.

**В алтаре храма
Преподобных отцов
в Синае и Раифе избивенных -
образы Раифских новомучеников**

ПОДОБНО многим мученикам-христианам ранней поры из церковной истории раифские преподобные еще не имеют сложившейся, как говорят искусствоведы, иконографии.

Изображения Раифских новомучеников немногочисленны и не принадлежат к работам прославленных мастеров или великих деятелей изобразительного искусства. Два известных сегодня изображения связаны с местом их подвига. Прежде всего, это икона, на которой они стоят у стен Раифы, расставленные как по спускающейся лесенке по лещадкам иконного фона. Хотя этот прием полностью соответствует иконописным канонам и правилам, когда святые того или иного города или монастыря изображены на фоне того места, в котором они были прославлены, в данном случае он напоминает о том, что иноки были изгнаны, а их обитель закрыта. Все они облачены в праздничные служебные одежды, на иеромонахах — красные епитрахили, в руках Сергия и Иосифа кресты, знак того, что они служили праздничную всенощную, т. е. последнюю службу на престольный праздник Раифы 27 января 1930 года, после которой произошел их арест и начался их собственный крестный путь. Остальные четверо стоят, сложив руки на груди крестообразно в ожидании причастия как участники последней литургии в прежней истории монастыря. Прямые, со слегка склоненными головами фигуры иеромонахов в черных клобуках и рясах, юный послушник в скуфейке... Они подобны столпам, поддерживающим стены монастыря и церковные купола над ними. Истинным центром иконы Собора Раифских преподобномучеников является сама обитель, легко узнаваемая для любого, кто бывал в монастыре: белая трехъярусная колокольня с луковичным куполом Михаило-Архангельской надвратной церкви, пологий купол над барабаном-постаментом и двухъярусная главка с шахматной расцветкой — над церковью с главным престолом, во имя Преподобных Отцов в Синае и Раифе избивенных. Сопокупность раифских новомучеников завершена иконой с образом Грузинской (Раифской) иконы Божией Матерью, которую на светлом платке несут ангелы в облаках.

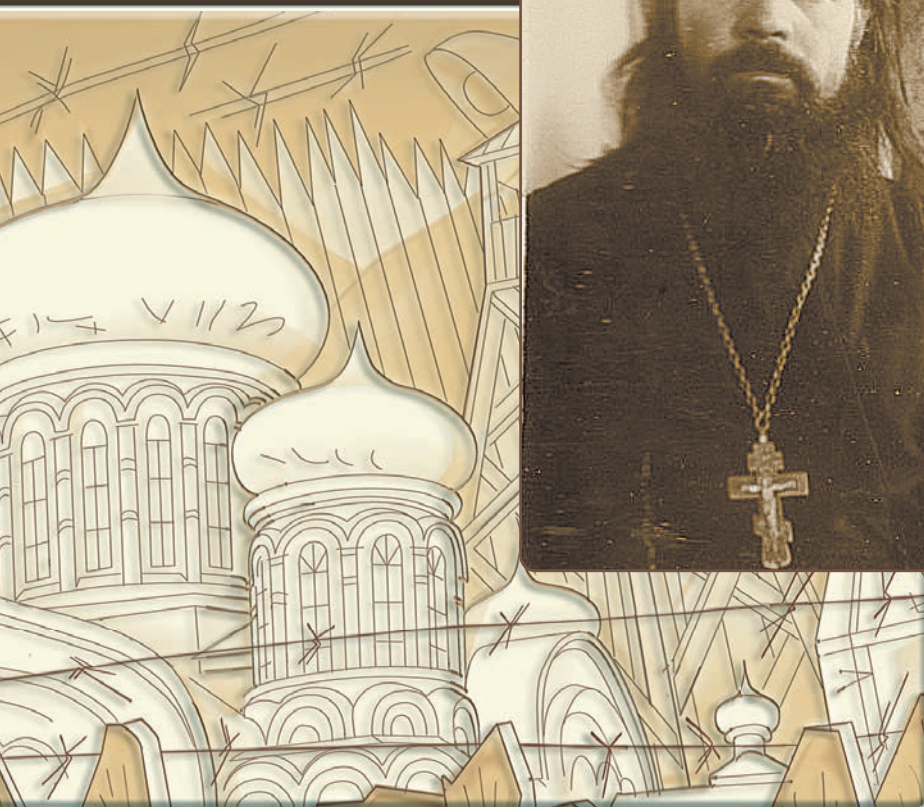
Образы преподобномучеников Раифских связаны с обителью напрямую через свои портреты на сводах алтаря домового храма, освященного в честь новомучеников. По сторонам от величественного образа Воскресшего Христа на белом фоне стены размещены шесть медальонов, по три с каждой стороны. В них, как в отдельном окне, на молящихся ныне служителей взирают шестеро преподобномучеников, так же как на иконе, облаченные в праздничные служебные одежды. Лицами воспроизводят они все возрасты человеческие — от безбородой целомудренной юности в лице послушника Петра, полных сил средовеков Иова и Варлаама до умудренных светлой радостью старцев Сергия, Иосифа и Антония. Глядя на эти живые, написанные по всем законам академической живописи лики, вспоминаешь древние византийские мозаики и миниатюры, в которых любили помещать портреты святых в медальонах. В окружении цветущих ветвей, побегов и трав, эти образы приобретали особую убедительность, запечатлевая облик монахов-ктиторов и устроителей базилики и мозаик в алтаре Преображенской церкви Синайского монастыря VI века или внешность вселенских святых и чудотворцев в рукописях византийских минологиев, Евангелий и житийных книг. Портреты в разных техниках на досках икон или церковных стенах — лишь малая толика из той дани памяти, которую могут современные православные россияне вернуть страдальцам за веру и любовь Христову.

Стоит надеяться, что со временем число изображений Раифских новомучеников возрастет, поскольку святые нужные живым людям, молитвы к ним возносятся не только на месте свершения их подвига, на Казанской земле. Согласно решению Синода от 26 июля 2017 года (Журнал №22), в Украинской Церкви учрежден Собор Балтских святых, который будет отмечаться 9 (22) ноября. Среди восьмерых подвижников Божиих, родившихся в этой местности, и прмч. Иов (Протопопов) Раифский.

**протоиерей
Максим
ПИСЛЕГИН,**
(Кировская область)

**Игумен
Афанасий
(Ранцев)**

Имя НОВОЕ ИМЯ В ИСТОРИИ РАИФСКОЙ ОБИТЕЛИ

Из «ПОДРОБНОСТЕЙ последних дней новомучеников Раифских». Все они мужественно держались на допросах, не отрекаясь от веры. Иеродиаконы Иероним (Сорокин) и Порфирий (Советников), монахи Геласий, Нестор (Никитин) — с Афона, Савватий (Агафонов), послушники Александр Себельдин, Петр Ранцев, Иоанн Балякин, Иоанн Хорьков, а также 19 инокинь из трех закрытых в конце 20-х годов женских монастырей и несколько крестьян, которые не были расстреляны, но сосланы в северные края России.

В октябре прошлого года в Кировском областном краеведческом музее во время XX Свято-Трифоновских образовательных чтений «Традиция и новации: культура, общество, личность» был зачитан доклад протоиерея Максима Пислегина «Игумен Афанасий (Ранцев). Чтобы помнили», в котором описана дальнейшая судьба послушника Раифского монастыря Петра Ранцева – будущего игумена Афанасия (Ранцева).

С разрешения автора мы публикуем выдержки в этом номере альманаха: теперь в летопись монастыря внесено новое имя насельника Раифской обители.

При Православном Свято-Тихоновском Гуманитарном Университете в 1992 году был создан крупнейший информационный ресурс по истории гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке. Он содержит информацию как о канонизированных Православной Церковью новомучениках и исповедниках Российских, так и о неканонизированных христианах, репрессированных в период с 1917 по 1959 годы. В настоящий момент ресурс доступен на многих языках мира.

Среди многих тысяч имён, находящихся в базе данных, есть краткие сведения о Петре Ивановиче Ранцеве [1]. А именно:

Родился в 1904 году в Казанской губернии, с.Богородское. Окончил сельскую школу. Стал ПОСЛУШ-

НИКОМ РАИФСКОЙ БОГОРОДИЦКОЙ ПУСТЫНИ.

В 1918 году часть монахов была расстреляна по вымышленному обвинению в «зверском убийстве и сожжении трупов». Пережив это первое посягательство, Петр Иванович в 1924 году принимает монашество с именем Афанасий.

В 1928 году обитель была окончательно разорена, монахи изгнаны из монастыря. Однако из 30 выживших монахов семеро каким-то чудом продолжали жить в кельях бывшего монастыря. Среди них и молодой послушник Петр Иванович Ранцев. Другие иноки поселились в близлежащих деревнях и селах. Несмотря на закрытие пустыни, влияние монашества в Раифе оставалось по-прежнему велико. Большинство

Раифских монахов не переставали совершать Таинства, исповедовать, крестить, отпевать, даже служить Литургию.

В монастыре продолжались тайные богослужения, которые по праздникам посещало монашество закрытых к тому времени монастырей — Раифского, Свяжского, Феодоровского — а также миряне из ближних сел.

27 января 1930 года в день преп. отец в Синае и Раифе избитых, в последнюю церковь Раифской пустыни, собрались на престольный праздник бывшие насельники монастыря и верующие. Кроме того, еще накануне — ко всенощной — прибыли из Казани, Свяжска и окрестных деревень престарелые монахини и благочестивые миряне. Наутро состоялась последняя Божественная Литургия Раифской братии. Сразу после молебна свыше 30 человек были арестованы. Все они мужественно держались на допросах, не отрекаясь от веры. Иеродиакон Иероним (Сорокин) и Порфирий (Советников), монахи Геласий, Нестор (Никитин) — с Афона, Савватий (Агафонов), послушники Александр Себельдин, Петр Ранцев, Иоанн Бялякин, Иоанн Хорьков, а также 19 инокинь из трех закрытых в конце 20-х годов женских монастырей и несколько крестьян — явили собой образ христианской кротости и мужественного стояния за православную веру. Многие из арестованных были расстреляны или умерли в заключении, не услышав приговора суда, другие получили различные сроки концлагерей.

Дальнейшая судьба, как следует из Базы данных, не известна. Однако для нас он не является пропавшим без вести!

В Ижевском епархиальном Управлении для исследовательской работы нам любезно предоставили личное дело игумена Афанасия Ранцева.

Из его послужного списка[2] (где игумен сам пишет о себе) нам удалось узнать, что после закрытия Раифской пустыни он был переведен в качестве псаломщика в с. Богородское Столбищенского района Татарстана.

25 января 1930 года игумен Афанасий был арестован. Из воспоминаний последнего пономаря Успенского храма села Богородское Василия Петровича Козловского мы узнаем, что Ранцев был сослан на строительство Беломорканала[3]. Отбыв свой срок, он служил псаломщиком в храмах Татарстана: в с. Тогашево, а затем в с. Большие Кабаны.

Потом он оказывается в Москве, где его 12 июня 1940 года рукополагает сперва в сан иеродиакона, а потом и иеромонаха митрополит Сергей Страгородский — будущий патриарх Сергей. С началом войны Ранцев был мобилизован на фронт.

Дальше, судя по тому же послужному списку, ничего необычного не происходило. После войны вернулся к служению в Больших Кабанах, а затем оказался в Удмуртии. Исследуя историю прихода храма в честь святого Александра Невского (с. Удугучин), мы узнали из рассказов прихожан и других респондентов, что в 1970 году Афанасий был настоятелем этого храма.

Умер в 1976 году настоятелем храма Михаила Архангела в селе Сям-Можга.

Вот, вроде бы, и всё, пробел заполнен. Однако не всё так просто. Осталось белое пятно военных лет.

Вот, что он пишет о тех временах: *«К сожалению, с 1940 года пошли войны — сначала с Финляндией, а потом началась война с фашистской Германией. Все как один пошли на защиту своей страны. Я был взят защищать свое родное отечество, и пробыл на фронте с 1941 по 1945 годы (до августа). Был три раза ранен. Имею четыре правительственные награды: Орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», «За освобождение Берлина» и «За освобождение Варшавы». После окончания войны я возвратился с победой на Родину и поступил опять в село Большие Кабаны в качестве псаломщика».*

Для того чтобы узнать о том, как прошли эти военные годы, пришлось провести большую исследовательскую работу. В результате запросов в многочисленные организации, военные архивы, удалось получить ответ из военного архива Министерства обороны.

Приказом от 30 ноября 1943 года № 34/Н за образцовое выполнение заданий командования на фронте, борьбу с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество гвардии рядовой Ранцев Пётр Иванович, наводчик ПТР 2 эскадрона 61 гв.кавалерийского полка 17 гв.кав.див., награждён Орденом Красной Звезды [4].

Из наградного листа следует, что иеромонах Афанасий в бою 13 ноября 1943 года за высоту 141,7 при контратаке немцев из ПТР подбил немецкую самоходную пушку «Фердинанд», чем дал возможность отбить контратаку противника и удержать занимаемый рубеж [5].

Этот «Фердинанд» представлял собой мощную немецкую тяжёлую самоходно-артиллерийскую установку класса истребителей танков. Боевая машина, вооружённая 88-мм пушкой, являлась одним из самых сильно вооружённых и мощно бронированных представителей немецкой бронетехники того периода. Несмотря на свою малочисленность, данная машина была одним из самых известных представителей класса самоходных орудий, с ней связано большое количество легенд. В ходе знаменитой Курской битвы бронирование этого танка продемонстрировало свою малую уязвимость для огня советской основной противотанковой и танковой артиллерии.

Вот таков жизненный путь одного из служителей Русской Православной Церкви — игумена Афанасия Ранцева. И оказалось, что он с оружием в руках прошёл всю Великую Отечественную войну и неоднократно был награждён за боевые заслуги...

1. http://martys.pstbi.ru/cgi-htm/db.exe/no_dbpath/docum/cnt/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XbuEc8radO6UXuLW5006ce0hfe8ctk
2. «Личное дело игумена Афанасия Ранцева»/ Архив Ижевского Епархиального Управления.
3. www.Kds.eparhia.ru/www/script/diploma-petrushenkov2009&.html
4. Военный архив Министерства обороны РФ/ http://www.podvig-naroda.ru/?#tab=navPeople_search
5. Там же

Предстоящій Соборъ Православной Всероссійской Церкви¹⁾.

(Торжество Русской Церкви и испытаніе ея духовныхъ силъ).

Кто изъ насъ не любитъ своей родной матери, которая насъ родила, вскормила и возрастила? Но у всѣхъ насъ есть еще общая духовная мать. Это—Св. Православная Церковь. Она насъ духовно породила въ иную христіанскую жизнь, духовно насъ питаетъ и руководитъ на пути къ вѣчному блаженству. Ея материнская любовь не отворачивается отъ насъ, когда мы согрѣшаемъ, если только глубоко сознаемъ свою вину и каемся. Какъ посему мы должны любить эту нашу духовную мать—св. Церковь. Отрекаясь отъ Церкви или просто даже забывая о ней, мы подлинно забываемъ и Бога. По словамъ одного древняго церковнаго писателя— „кому Церковь и мать, тому Богъ не отецъ“ (св. Кипріанъ). Такимъ образомъ, дѣло церковное воистину есть дѣло Божіе, и всякій трудъ на пользу Церкви и всякая забота о ней есть богоугодная жертва. А дѣло Божіе слѣдуетъ совершать съ великимъ усердіемъ и благоговѣніемъ. Въ св. Писаніи сказано: „*прокляты всякъ творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ*“.

Въ настоящее время важнымъ церковнымъ дѣломъ являлось созывъ собора нашей Русской православной Церкви. Долго ждала наша родная Церковь этого собора. Можно сказать, что съ двухсотъ лѣтъ у насъ не было общецерковныхъ соборовъ, хотя по церковнымъ правиламъ, должны быть созываемы очень часто. Не будемъ говорить—почему такъ было. Это дѣло прошедшей жизни приведемъ себѣ на мысль—какое великое торжество предстоитъ нашей жизни составить соборъ, который откроется 15 августа 1917 года, въ праздникъ Успенія Божіей Матери, въ Москвѣ. На этотъ соборъ прибудетъ большое число участниковъ свыше 500. Здѣсь будутъ всѣ правящіе архіереи. Такого значительнаго собранія святителей давно или, можно сказать, никогда не было. Прибудутъ избранные по епархіямъ представители епархіальныхъ Церквей.

СОЮЗ ПАСТЫРЕЙ КАЗАНИ
о предстоящем
Соборе Православной
Всероссийской Церкви 1917г.

«Известия по Казанской
епархии»

стр. 30

НОВОМУЧЕНИКИ –
выпускники
Казанской
Духовной Академии,
участники Поместного
Собора 1917-1918 гг.

С. Павл

стр. 34

**ТРАГИЧЕСКИЕ
СУДЬБЫ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ**

О.В. Троепольская

стр. 40

2

наследие

**«Известия
по Казанской
епархии»**

Листок для раздачи
народу.

Издание «Союза
пастырей города
Казани»

Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 годов

нием. В Священном Писании сказано: «проклят всяк творяй дело Божие с небрежением».

В настоящее время важным церковным делом является созыв Собора нашей Русской Православной Церкви. Долго-долго ждала наша родная Церковь этого собора. Можно сказать, что свыше двухсот лет у нас не было общецерковных соборов, хотя они, по церковным правилам, должны быть созываемы очень часто. Не будем говорить — почему так было. Это дело прошедшее. А лучше приведем себе на мысль — какое великое торжество церковной жизни составит собор, который откроется 15 августа (28 августа по н.ст. — прим. ред.) нынешнего 1917 года, в праздник Успения Божией Матери, в городе Москве. На этот собор прибудет большое число участников, свыше 500. Здесь будут все правящие архиереи. Такого значительного собрания святителей давно или, можно сказать, никогда не было на Руси. С ними прибудут избранные по епархиям духовные ицтаким образом, в представителях будет собрана вся многомиллионная Русская Церковь.

Вспомнятся само собою древние соборы, на которых бывало множество епископов и других духовных лиц в присутствии народа. Самым делом покажет Русская Церковь, что она — живая, могущественная ветвь еди-

ной святой соборной и апостольской Церкви, что она живет тою же верою, тою же надеждою и тою же любовью, какими жила вся Христова Церковь с самых первых времен ее существования. Как при святых апостолах (Книга Деяний Апостольских, глава 15), как при их преемниках — святых Отцах и Учителях Церкви для решения недоуменных вопросов и для лучшего благоустройства церковного порядка и чина собирались соборы, так и теперь то же святое внушение Духа Божия говорит нам, что лучшим средством для уврачевания накопившихся недостатков и устранения неисправностей служит собор. В единомыслии и в единодушии собравшихся со всех мест обширной Русской церкви верующих и их пастырей и архипастырей заключается залог обновлений Русской Церковной жизни и ее улучшения. Надо только молитвенно желать, чтобы предстоящий, собравшийся после долгого перерыва, собор был одушевлен единою мыслью и единым духом, чтобы он послужил к великому благу нашей Русской Церкви. Дай Бог, чтобы Собор, между прочим, положил предел разным попыткам умалить или и вовсе упразднить преподавание Закона Божия в наших школах для детей православных родителей. Да благословит Господь и все начинания и деяния Собора по всем сторонам церковной жизни! *«Отче наш, иже еси на небесех! Да придет Царствие Твое».*

Справка

Собор открылся в Москве на праздник Успения Пресвятой Богородицы. Председателем был избран Московский митрополит Тихон. В Соборе участвовали более 500 человек, там были представлены лучшие духовные и интеллектуальные силы Русской Церкви. Собор был призван, с одной стороны, разрешить проблемы церковной жизни, накопившиеся за два века синодального периода, с другой — дать ответы на новые вызовы, бросаемые Церкви бурными событиями революционной поры. Собор смог объединить Русскую Церковь в тяжёлый момент. Он санкционировал активное привлечение к церковному управлению как рядового духовенства, так и мирян, чем дал им почувствовать свою ответственность за судьбу Церкви. Восстановленный Собором институт патриаршества в лице новоизбранного Святейшего Патриарха Тихона дал Церкви духовного вождя, символ её единства и соборности. Благодаря Собору Русская Церковь смогла выстоять в гонениях, обрушенных на неё богоборческой властью. В настоящее время более 50 членов Собора 1917–1918 годов прославлены в лике святых.

В 2017 году Священный Синод Русской Церкви постановил ежегодно 18 ноября праздновать память Отцов Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 годов. В число Отцов Поместного Собора 1917–1918 годов вошли два святителя Казанской епархии: священномученик митрополит Кирилл (Смирнов; † 1937) и священномученик митрополит Анатолий (Грисюк; † 1938).

Сергей ПАВЛОВ,

студент 2 курса
магистратуры
Казанской
духовной
семинарии

В 2017 ГОДУ Русская Православная Церковь отмечает столетие Поместного Собора 1917-1918 годов. Этот Собор стал важным событием в истории нашей Православной Церкви. Его задачей было не только возродить соборность и восстановить Патриаршество, но также и в конкретных исторических условиях организовать жизнь Церкви. Уже на новых началах, без вмешательства государства, необходимо было выработать и принять законоположения, наметить дальнейшие пути существования Церкви в изменившихся общественно-политических условиях. Поместный Собор был выдающимся не только по важности и количеству рассматриваемых вопросов, но и ярким по своему составу участников. На Соборе – сонм духовенства: архиереев, пресвитеров и монашествующих. А из мирян – многие выдающиеся профессора духовных школ, семинарий и академий. Не случайно, что этот Собор стал во многом собором новомучеников и исповедников Российских, поскольку более половины его участников пострадали в годы гонений за стойкое исповедание своей веры. Более 50 человек, то есть десятая часть членов Собора – это канонизированные ныне Русской Православной Церковью святые.

В работе Поместного Собора 1917-1918 годов от Казанской и Свияжской епархии – представители Казанской духовной академии. От монашествующих был избран инспектор академии, ординарный профессор кафедры миссионерских предметов, будущий священномученик Гурий (Степанов). Свое деятельное участие принимал по

работе в отделах по монастырям и монашеству и по духовным академиям. 21 ноября, в день интронизации Патриарха Московского и всея Руси Тихона (Белавина), отцом Гурием от лица Казанской духовной академии было произнесено приветственное и поздравительное слово.

В состав казанской делегации участников Поместного Собора также вошли: экстраординарный профессор Казанской духовной академии Михаил Николаевич **Василевский**; профессор Владимир Александрович **Керенский**; помощник инспектора Казанской духовной академии Гурий Иванович **Комиссаров**, который был избран на Собор от мирян Казанской и Свияжской епархии; профессор Павел Дмитриевич **Лапин**, который был избран в члены Высшего церковного совета; профессор Николай Николаевич **Писарев**; ординарный профессор академии Иван Михайлович **Покровский**, к тому же в Поместном соборе принял участие и **архиепископ Иаков (Пятницкий)**, ставший почетным председателем Отдела о духовных академиях и председателем уставного отдела, засвидетельствовав роль и значение Казанской и Свияжской епархии.

Поместный Собор 1917-1918 годов – Собор святых. Ранее было отмечено, что многие участники Собора пострадали в годы большевистских гонений. Поэтому считаю должным сказать и о выпускниках Казанской духовной академии, которые ныне прославлены, как новомученики и исповедники Российские, принимавшие также деятельное участие в этом поместном созыве.

Священномученик Ефрем (Кузнецов), епископ Селенгинский, викарий Забайкальской епархии.

Выпускник Казанской духовной академии 1903 года. Окончил курс в составе миссионерской группы монгольского отделения со степенью кандидата богословия. Первые годы его обучения выпали на время ректорства владыки Антония (Храповицкого). Впоследствии он с особой благодарностью вспоминал владыку Антония, которого называл «выдающимся по уму и чистоте жизни святителем нашего времени». В академии отец Ефрем проявил большой интерес к миссионерству. Его кандидатская работа, получила высокий отзыв рецензента, а написанная им в эти годы история миссионерства в Забайкалье, была опубликована в «Православном собеседнике».

Дальнейшую свою жизнь отец Ефрем продолжает в миссионерской деятельности в составе Забайкальской Миссии. *«Духовная академия вложила в сердце мое любовь к благовестническому служению и дала потребные для сего знания»*, — так говорит сщмч. Ефрем о своей родной духовной школе. В 1916 году был возведен в епископское достоинство, с поставлением на Селенгинскую кафедру, в качестве викария Забайкальской епархии.

В 1917 году владыка Ефрем выехал в Москву для участия во Всероссийском Поместном Соборе в статусе Заместителя Члена Собора, замещая епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия. 22 января 1918 года выступил на Соборе с докладом, в котором так оценил существующия события того времени: *«...что представляют собой переживаемые события в глазах верующего? Это кара Божья, вспомните, что творилось в последние годы в жизни государства, Церкви, общества... Несомненно то, что виноваты в этом целые классы людей служения общественного, государствен-*

ного, церковного. И вот гнев Божий: война... Но это оказалось недостаточным, чтобы Русский народ... одумался и покаялся, даже напротив... Тогда Божьим попущением — крах государственного строя и революция с ее беспредельным углублением... Не будет легче Церкви, когда сойдут со сцены нынешние ее гонители, а ко власти вернутся те, кто эти гонения начинал, имея в своей политической программе также задачу отделения Церкви от государства... пришла ли в покаяние наша интеллигенция, много столь потрудившаяся над созданием крушения государственного строя и теперь являющаяся главной виновницей падения и гибели нашей Родины».

В начале февраля 1918 года Владыка Ефрем прислал на имя епископа Забайкальского Мелетия из Москвы телеграмму, передающую его духовное настроение в условиях начавшихся гонений на Церковь: *«Собор открылся двадцатого. Патриарх объявил Церковь гонимой, предал анафеме гонителей, призвал верных защите и мученичеству. Обращают на себя внимание и слова телеграммы: «Патриарх призвал верующих к мученичеству». А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою».* В последствии Преосвященный Ефрем был одним из тех священнослужителей нашей Церкви, кто через несколько месяцев одним из первых принял святую мученическую кончину.

30 мая 1918 года большевистскими властями он был взят под арест. 5 сентября того же года в день памяти священномученика Иринейя Лионского, владыка Ефрем был расстрелян на Ходынском поле. Смерть за Христа он принял спокойно. Перед расстрелом благословил союзников, вместе с ним приведенных на казнь.

Это не единственный пример, если мы говорим о новомучениках, выпускниках Казанской духовной академии, которые принимали участие на Поместном Соборе. Всего на данный момент их 11 человек.

Это священномученики:

- **Александр (Трапицын), архиепископ Самарский;**
- **Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский;**
- **Пахомий (Кедров), архиепископ Черниговский;**
- **Феодор (Поздеевский), архиепископ Волоколамский, викарий Московской епархии;**
- **Прокопий (Титов), архиепископ Херсонский и Николаевский;**
- **Ювеналий (Масловский), архиепископ Рязанский и Шацкий;**
- **Стефан (Знамировский), архиепископ Вологодский;**
- **Гурий (Степанов), архиепископ Суздальский, викарий Владимирской епархии;**
- **Ефрем (Кузнецов), епископ Селенгинский, викарий Забайкальской епархии;**
- **Симон (Шлеёв), епископ Уфимский;**
- **Богословский Константин Александрович, протоиерей.**

Собор 1917–1918 годов был поистине историческим, и тот факт, что именно этот Собор призвал к служению Патриарха Тихона исповедника, свидетельствует о том, как действительно рука Божия вела отцов Собора. Главным деянием Собора принято считать восстановление патриаршества и избрание святителя Тихона Патриархом Всероссийским. Но еще нельзя не сказать о том, что Собор послужил некоему сплочению Русской Церкви, что было очень важ-

но в преддверии гонений. На Церковь обрушились страшные испытания. Сегодня можем говорить уже о 564 членах Собора, сейчас в Комиссии по канонизации святых находится на рассмотрении еще около трехсот дел о канонизации — трехсот участников Собора! Это больше половины новомучеников, которые были уничтожены с 1918 по 1940 годы. Имена этих участников Собора не забыты, к ним обращаемся в молитвах как к святым заступникам Церкви Русской.

Икона «Собор Всех Святых в земли Казанской просиявших», большинство из которых - новомученики...

**Ольга Викторовна
ТРОПОЛЬСКАЯ,**

кандидат
физико-математических наук,
краевед

ТРАГИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ
ТСВЯЩЕННОУЧЕНИКОВ –
ОТЦА ЗАХАРИИ
(ЯМФОНТЕЯТРОВЯ)
И ОТЦА ИОАННА
(ТРОПОЛЬСКОГО)

«Я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Чем больше число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».

В. Ленин, авг. 1920 г.

ПОСЛЕДСТВИЯ октябрьского переворота 1917 года в России и массовых репрессий 1937 года – зверские расправы, расстрелы, ссылки, вынужденная эмиграция, раскулачивание крестьянства, постоянный страх чудом выживших наших соотечественников за свою судьбу и судьбу детей и близких – редкую семью не коснулись в той или иной степени в нашей стране, унесли жизни и исковеркали судьбы большинства священнослужителей, дворян, творческой интеллигенции, части крестьянства и других слоев населения, а также членов их семей.

Священник Захарий Федорович Амфитеатров (1858 - 1918) – мой прадед. Об этом типичном представителе сельской интеллигенции XIX века, о его трагической гибели и о судьбе его детей и их семей пойдет дальше речь.

Отец Захарий происходил из старинного священнического рода Амфитеатровых, знаменитого своей даровитостью, давшего России целую плеяду известнейших личностей. Из близких родственников его это: брат его деда отца Василия – причисленный к лику святых архиепископ Казанский и Свияжский (позже – митрополит Киевский и Галицкий) святитель Филарет (Амфитеатров) (1779 - 1857), похороненный в Киево-Печерской лавре; другой брат деда – поэт и переводчик, воспитатель и учитель поэта Ф.И. Тютчева Семен

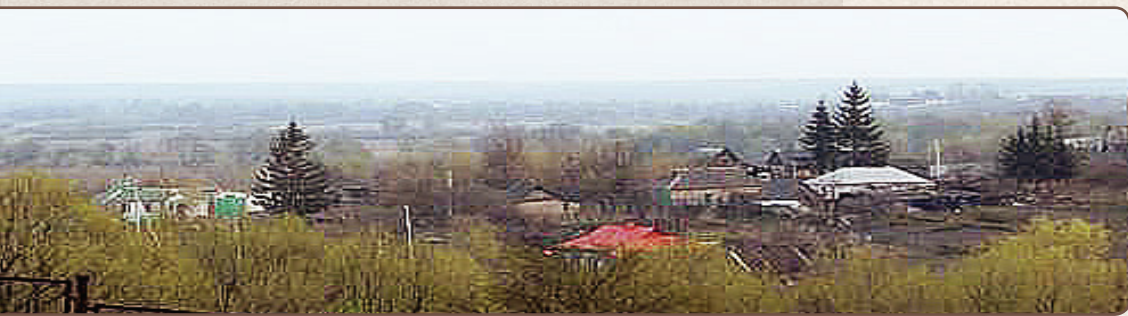
Раич (1792 - 1855); племянник деда – архиепископ Казанский и Свияжский Антоний (Амфитеатров) (1815 - 1878), похороненный в правом приделе Благовещенского собора Казанского Кремля; его дядя – блестящий профессор Московской Духовной Академии и голова Сергиева Посада Егор Васильевич Амфитеатров (1815 - 1888); племянник его отца (сын сестры о. Василия Анны, в замужестве – Красиной, но взявший девичью фамилию матери) – ученый, духовный писатель, основоположник российской гомилетики профессор Киевской Духовной Академии Яков Косьмич Амфитеатров (1802 - 1848); другой дядя – протоиерей Николай Васильевич Амфитеатров, сын которого (двоюродный брат о. Захария) – праведный протоиерей Архангельского собора в Москве,

почитаемый прорицатель и духовный целитель, чудотворец отец Валентин Амфитеатров (1836 - 1908); сын отца Валентина — известный писатель Александр Амфитеатров (1862 - 1938) и множество других литераторов, ученых, епископов, монашествующих, десятки скромных сельских пастырей, настоящих подвижников. Этот благочестивый род твердо хранил дух православия и церковности; дети его представителей жили и воспитывались в особо благодатной атмосфере.

В центре Железнодорожного района Курской области в 10 км от современного города Железнодорожск (построенного в 1954 году) находится мало кому известное небольшое село Гнань.

щий и поныне. В 1802 году в Гнани было возведено каменное здание Николаевского храма, к сожалению, не сохранившееся до наших дней. В этом храме в течение 116 лет настоятелями были три представителя рода Амфитеатровых.

Как далеко восходила их родословная, не известно. Достоверно лишь то, в с. Высокое Костромского уезда Орловской губернии в Покровской церкви священниками ее служили сын священника отец Никита (примерно с 1775 г.) и его сын Егор (Георгий) Никитич (Амфитеатров). У Егора Никитича было 5 сыновей: старший — Василий; затем — Феодор (впоследствии — высокопреосвященный Филарет Амфитеатров) (Рис.1); Гавриил (отец преосвящен-

Расположено оно на высоком правом берегу реки Свапа при впадении в нее ручья Гнанка. В селе на этом ручье есть пруд. Село Гнань - одно из самых древних поселений на территории области. Известно, что уже в 1528 году в нем имелся деревянный храм Николая Чудотворца, построенный на месте обретения иконы Николая Чудотворца. Там же находится святой источник, существую-

ного Антония Амфитеатрова (Рис. 2)); поэт и переводчик Симеон (носивший фамилию Раич) и Никита, а также три дочери: Евдокия, Анна и Мария. Все они родились в селе Высокое.

В 1802 году священником Николаевского храма в с. Гнань был назначен Василий Амфитеатров.

После смерти отца Василия настоятелем церкви с. Гнань стал его сын Феодор Васильевич Амфитеа-

тров (Рис.3). В старости он передал свой приход одному из сыновей, жившему с ним — Захарию Феодоровичу (Рис.4) и вскоре, в 1886 году, скончался.

У отца Захария и его жены Варвары Григорьевны Гулевицкой (Рис.5), уроженки слободы Михайловка, расположенной в трех километрах от с. Гнань, было семеро детей: три сына — Александр, Николай и Федор и четыре дочери — Софья, Любовь, Ольга и Елена. Жили они в родительском доме, построенном еще о. Василием после его приезда в с. Гнань, которое тогда представляло из себя одну улицу с небольшими ответвлениями и имело 28 дворов. Дом этот располагался не в самом селе Гнань, а как бы на отшибе, в самом начале его, в двух километрах от сл. Михайловки и фасадом не выходил на проезжую часть дороги, а утопал в обступившей его густой зелени берез и елей, значительно отступая вглубь. С дороги сам дом почти не был заметен. Виднелись лишь крыльцо и небольшая примыкающая к дому веранда. При доме был большой приусадебный участок и прекрасный фруктовый сад. По воспоминаниям писательницы Варсеники Вронской, жительницы сл. Михайловка и подруги одной из дочерей о. Захария — Любви Захаровны, «дом гнанского священника всегда отличался некоей отчужденностью от остальных семей духовенства в Михайловке и Гнани. Рассказывали, что эта семья жила всегда как-то изолированно. Потому ли, что о. Захарий являлся не обычным деревенским священником, а человеком с академическим образованием. И было ли это выражением некоего высокомерия в его характере и в характере

его семьи — не известно. Во всяком случае мало кто был осведомлен о жизни тех, кто скрывался за этим заросшим густой зеленью крыльцом и верандой. В семье были какие-то строгие установки светского воспитания, исключающие простоту и непосредственность человеческих взаимоотношений, а постоянно наблюдались какие-то рамки и условности». Отец Захарий и матушка Варвара очень много внимания уделяли воспитанию детей. Хотя воспитывали их довольно строго, не баловали, но очень любили. Дети были приучены к любому труду. Даже девочки не только помогали матери по дому, но умели и жать, и вязать снопы, и даже пилить и колоть дрова. После окончания церковно-приходской школы, кстати, открытой в с. Гнань благодаря стараниям о. Захария, девочки окончили женское епархиальное училище (школу для детей духовенства, готовящих будущих жен духовенства), где кроме общего образования, также учили и правилам хорошего тона, и танцам, и пению, и рукоделию, и ведению хозяйства. Сыновья по окончании школы в с. Гнань, получили среднее образование в Орловском духовном училище, после чего окончили Орловскую духовную семинарию. В начале 1900-х годов из родительского дома уехали две дочери — Софья (моя бабушка по отцовской линии) и Ольга, вышедшие замуж также за сельских священников. В 1915 году скончалась матушка Варвара. Отец Захарий очень тяжело переживал смерть супруги. В 1917 году уехал учиться в Казань младший сын — Федор, поступивший в ветеринарный институт, два других сына также уже не жили в Гнани. В это время в родительском доме остались только две дочери — Любовь и самая младшая Елена.

Отец Захарий, хотя и казался строгим священником, но очень любил свою паству, которая отвечала

ему тем же. Размеренную жизнь семьи сельского священника нарушил октябрьский переворот.

С установлением Советской власти старший сын отца Захария — Александр, офицер деникинской конницы, эмигрировал за границу. Младший, Федор, вопреки настоянию своего брата, не последовал за ним.

В 1918 году с уходом из района, куда входило с. Гнань, бывших здесь деникинских частей, красные продотряды стали грабить крестьян, отбирая у них все продукты, оставляя их нищими. Отец Захарий, естественно, вступился за крестьян — свою паству. В результате он оказался в числе жертв так называемых «Красных мстителей», которые совершили акцию уничтожения почти всех служителей религиозного культа в районе. Скорые на расправу чекисты жестоко расправились с ним и с другими священнослужителями округи и заживо утопили их в реке Свапе близ слободы Михайловка. Вот как описывает события того дня в своих воспоминаниях Варсеника Вронская.

«Мне рассказывали случайные свидетели: в тот роковой день, вернее то раннее утро, еще до восхода солнца, когда из Гнани гнали полураздетых, обреченных на самосуд священнослужителей (в Гнанской церкви, примыкавшей к некоей уже разрушенной тогда дворянской усадьбе, был полный штат церковной обслуги), следом за ними, тоже полураздетая, едва обутая, в длинной ночной рубашке, с распущенными, тогда еще длинными волосами, шла Любовь Захаровна, единственная из членов семьи. Она не плакала, не кричала, но, как оцепенелая, шла-шла, не отрываясь от кортежа впереди. До каких пор она дошла? Видела ли она сама акт

совершения экзекуции, когда людей, еще полуживых, заталкивали палками под лед запруды около водяной мельницы? И как она потом вернулась домой? Всего этого никто не видел. Во всяком случае, таких рассказов я не слыхала...».

Другая свидетель тех событий, тоже уроженка села Михайловка, Евдокия Андреевна Марфенкова, несмотря на свой почтенный возраст (105 лет!), многое помнила из истории своей родины — слободы Михайловка. В 2008 году она рассказывала корреспонденту газеты «Эхо недели» г. Железногорска, что «...ей, тогда 16-летней, хорошо запомнилось, как большевики вели на казнь от дома куница Шарапова «бунтовщиков»: крестьян и священников; она видела, как им надевали на головы мешки, как сталкивали в Свапу под мельничную плотину. В ужасе убежала домой, который стоял всего в ста метрах от реки, на улице Луговой, а утром ее вновь потянуло на место трагедии, и она чуть ли не потяла сознание, увидев кровь на опорах моста.. А потом она с Любовью Амфитеатровой, дочьрю убиенного отца Захария, везла на телеге его всплывшее после ледохода тело на отпевание в Гнанскую церковь».

Узнав об этом, младший сын отца Захария — Федор Захарович (Рис.6) (о его не простой судьбе пойдет дальше речь) решил вернуться в Гнань. Как он писал в своей биографии, сохранившейся в архиве Казанского ветеринарного института, «весной 1918 года материальная необеспеченность, а затем болезнь на почве истощения заставили меня бросить учение, уехать из Казани на родину». Возвратившись в родные края, он устроился учителем в деревне Черняковой (на ее месте сейчас стоит город Железногорск).

Г. Александров, зам. главы Железногорского района, так описывает в статье «Бунтарь, красноармеец, уче-

Рис. 6
Федор Захарович
Амфитеатров

ный» (газета «Курская правда», № 123 за 2012 г.) следующие события того времени. «В это время в тех местах в Большебобровской и Веретенинской волостях начались восстания крестьян против грабительской политики новой власти. Тогда Федор Захарович, не раздумывая, решил продолжить дело своего отца — он возглавил один из отрядов. Восстание вспыхнуло одновременно в нескольких местах, но разрозненные «бунтари» не смогли соединиться и были разбиты прибывшим отрядом красноармейцев. В книге «Бунтари и разбойники» курский краевед Сергей Сургучев пишет: «Федора Амфитеатрова объявили в розыск вместе с другими «главарями». Вскоре после подавления мятежа агент Сафонов обнаружил его в школе с. Лубошево и попытался арестовать. Но Амфитеатров выстрелом ранил агента и скрылся. Орловский губернский ревтрибунал в 1920 г. приговорил его заочно к высшей мере наказания — расстрелу». Казалось, дальнейший путь его определен: белая армия, эмиграция... И Федор Захарович действительно сражался против советской власти в армиях Деникина

и Врангеля. Но на исходе гражданской войны он вдруг оказался ... в Красной Армии».

В своей автобиографии сам Федор Захарович так описывал последующие события. «В войсках Врангеля я пробыл 45 дней и перешел на сторону Красной Армии. Этот переход мы совершили по льду замершего Сивашского залива, причем нам удалось увезти несколько орудий и зарядных ящиков. Через 5-6 дней после перехода на сторону Красной Армии я был зачислен (22 февраля 1920 года) в состав Бронепоезда № 98 «Советская Россия». В составе бронепоезда я служил два года, вначале как артиллерист, а затем как начальник связи».

В конце 1921 года Федор Захарович, как представитель среднего командного состава Рабоче-крестьянской Красной Армии, был демобилизован и по его желанию направлен командованием бронепоезда в распоряжение военкома Казанского ветеринарного института для про-

должения образования. При этом командир бронепоезда не побоялся дать письменную положительную характеристику о его службе фактически недавнему вожаку антисоветского восстания и бывшему белогвардейцу.

В мае 1924 года Федор Захарович закончил Ветеринарный институт со званием ветеринарного врача. В октябре 1924 года он вновь был призван в ряды Красной Армии и работал четыре года как ветеринарный врач в кавалерийских полках 3-ей Бессарабской кавалерийской дивизии. Кажется, что вроде бы все события 1919 г. уже давно забыты и можно жить спокойно.

Г. Александров в той же статье пишет: *«Но следователи тем временем не переставали заниматься поиском главарей крестьянского восстания. В 1927 году агенты ГПУ выследили Федора Захаровича, когда он еще работал ветеринарным врачом в Бессарабии. Следователь особого отдела дважды вызывал арестованного «врага народа» на допрос и отправил его этапом в распоряжение ОГПУ Орловской губернии. В сопроводительном письме было сказано: «Принимая во внимание, что Амфитеатров Ф.З. (29 лет) в 1920 г. был осужден орловским губревтрибуналом к высшей мере наказания, а 11 фев. 1927 г. заседанием орловского губсуда приговор орловского ревтрибунала в отношении Амфитеатрова Ф.З. был изменен, расстрел заменен пятью годами лишения свободы, с разъяснением розыска и мерой пресечения по задержанию его избрать содержание под стражей в орловском изоляторе по 1-ой категории». В орловском изоляторе Амфитеатрова на допрос не вызывали, обвинение не предъявляли. Устав находится в неведении,*

он пишет заявление председателю орловского губсуда: «Я не знаю, в чем обвинил меня суд, когда заочно судил меня. Я хочу узнать, подлежит ли пересмотру постановление суда, заочно судившего меня в 1919 г. и сохраняет ли оно до сих пор свою силу». И здесь Федору Захаровичу чудесным образом повезло: кассационная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР направила в г. Орел письмо: «Немедленно освободить из-под стражи Амфитеатрова Ф.З. на основании ст. 8 Уголовного кодекса. Председатель Верховного суда РСФСР Челышев». Что это: Божья помощь сыну за пострадавшего отца или простое везение?».

Ф.З. Амфитеатров был возвращен в полк. В том же 1927 году он прошел аттестацию как младший ветеринарный врач и был назначен старшим ветеринарным врачом Сумской артиллерийской школы, где работал до момента демобилизации — до июля 1928 года. Тогда, наконец, по его собственным словам «осуществилась его мечта — он «стал научным работником (ассистентом Казанского бактериологического института)»!

Дальше его семейная жизнь и карьера были в целом успешными. Он вырастил трех дочерей: старшая — Наталья стала физиком, канд. физ.-мат наук, доцентом КАИ, средняя — Надежда — доктором медицинских наук, профессором, зав. кафедрой микробиологии Казанского мединститута, младшая — Елена — химиком.

Сам Федор Захарович — талантливый от природы, очень волевой, целеустремленный человек добился всесоюзного признания. Как писало руководство Казанской ветеринарной академии, «с 1928 года до конца своих дней в течение 42 лет Ф.З. Амфитеатров занимался научно-ис-

следовательской работой. Он создал много трудов о причинах появления и распространения болезней лошадей, крупного рогатого скота, проводил фундаментальные исследования по разработке лечебных мероприятий при инфекционных заболеваниях животных. В 1935 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1945 году стал доктором ветеринарных наук. Будучи зрелым ученым, профессором, возглавлял большой научный коллектив лаборатории вирусологии...». Он был автором более ста научных работ. Государство неоднократно отмечало его самоотверженный труд. Однако, проф. Амфитеатров не был чисто кабинетным ученым. Когда вспыхивали эпидемии, он по поручению Министерства сельского хозяйства РСФСР возглавлял экспедиции по борьбе с ними. И именно при его активном участии были ликвидированы очаги различных опасных заболеваний животных.

Но органы госбезопасности не забывали его прошлого. Однажды, когда в районе Гнани и Михайловки вспыхнула эпидемия ящура, Федор Захарович был срочно направлен на борьбу с ней. В день его приезда на место к секретарю Железногорского горкома КПСС тотчас явились встревоженные работники КГБ: бывший вожак антисоветского восстания сам шел к нему в руки! И секретарю горкома пришлось доказывать, что прошлое профессора быльем поросло, что его полезные для общества дела значат гораздо больше, чем какие-то застарелые обвинения. Ученого оставили в покое. А вскоре с эпидемией было покончено.

Я прекрасно помню семью Федора Захаровича. Хотя он приходился дядей моему отцу (был братом моей бабушки по отцовской линии — Софьи Захаровны), разница у них в возрасте была 8 лет, мы все его звали про-

сто «дядя Федя». Наши семьи были очень дружны. В 40-е — 60-е годы Амфитеатровы жили на улице Маяковского, в старинном некогда очень красивом двухэтажном деревянном доме с великолепным садом, принадлежавшим до революции профессору Казанской Духовной Академии П.В. Знаменскому (учителю и другу моего деда по материнской линии — профессора И.М. Покровского), а после революции превращенном в «коммуналку», расположенную на пыльном пустыре с сараями — дровяниками. Несколько комнат в этом доме на 1-ом этаже было выделено Федору Захаровичу (только в 60-е годы он получил «хрущевку» на ул. Н. Ершова). Интересно, что в доме Знаменского после его смерти частично сохранилась его великолепная старинная мебель и некоторые предметы интерьера (большие столы — обеденный и письменный — под зеленым сукном и даже старинные лампы и пр.), доставшиеся новым жильцам, а под окнами квартиры Федора Захаровича им был сделан палисадник, в котором он сажал цветы. К сожалению, мебель Знаменского при переезде в новую малогабаритную квартиру пришлось оставить. Дядя Федя был человек широкой русской души, очень хлебосольный. Несмотря на то, что в послевоенные годы и позже материально жилось довольно трудно, он обязательно по праздникам (особенно в Новый год) собирал у себя дома за большим столом всех казанских родственников (а их было много — кроме его семьи, две его сестры с детьми и внуками, сестры его жены, подруги дочерей). Дядя Федя был душой компании. Обязательным атрибутом этих незабываемых и очень теплых (практически безалкогольных) вечеров было пение и всевозможные игры. На всю жизнь я запомнила его любимые песни «Вечерний звон», «Из-за острова на стрежень...», «Дубинушку» в испол-

нении на два голоса его и моего отца. У дяди Феди был прекрасный бас (ему бы петь в церкви!), да и дочери его унаследовали этот его талант. У младшей - Елены был очень красивый сильный голос. Хорошо помню ее сольные концерты на вечерах художественной самодеятельности в Университете, всегда имевших большой успех. У Нади голос был послабее, но петь она очень любила. Он был заядлый охотник, рыбак (на Волге, на Кордоне, где мы вместе отдыхали летом, у него был маленький домик), он всегда держал охотничьих собак — сеттеров. Моя сестра, Т.В. Троепольская, в своих воспоминаниях о нем писала: «Это был сильный, умный человек, лидер по натуре и центр притяжения многочисленной семьи Амфитеатровых-Троепольских, а также прекрасный рассказчик. Я помню его яркие рассказы о нищете послевоенных колхозов, когда полуголые дети прятались от посторонних на печке потому, что у них не было одежды, о безграмотном «народном академике» Т.Д. Лысенко, которого он слушал на какой-то конференции, где «академик» говорил: «Курей по осени считают...» ...». Но при всей его отзывчивости, доброжелательности, общительности Федор Захарович всегда казался нам с сестрой каким — то настороженным и даже мнительным. Мы даже его побаивались, тем более что со своими домочадцами он был строгий, даже властный. Конечно, позже мы поняли, что мы просто ничего не знали о его молодости, так как нам, естественно, старшие ничего об этом не говорили. Я только помню, что по возвращении дяди Феди из той злополучной командировки в Курскую область, он был очень удрученный, мрачный, совершенно не похожий на себя.

Работал Федор Захарович до последних дней своей жизни. Когда в 1970 г. на Украине вспыхнула эпидемия ящура — очень опасного вирусного заболевания лошадей, этот уже пожилой, но влюбленный в свою работу мужественный человек без раздумий не только возглавил экспедицию, но и собственноручно почти круглосуточно делал лошадям и другим животным прививки разработанной им высокоэффективной вакциной. От большого физического перенапряжения у него случился сильный сердечный приступ, но он не бросал работу. Однако, поняв безысходность своего положения, он категорически отказался от госпитализации и попросил (а спорить с ним было бесполезно) сопровождавших его коллег перевезти его домой, сказав, что хочет умереть только в Казани, что те и сделали. Вскоре, 5 июля 1970 г. Федор Захарович скончался в возрасте 73 лет.

Про его брата — Николая Захаровича, также окончившего Орловскую духовную семинарию, мне только известно, что до войны он был агрономом и работал в г. Дмитровске Курской области. Во время войны эта территория была оккупирована немцами. Николай стал с ними сотрудничать, был бургомистром и вместе с немцами ушел на Запад в 1943-44 гг., затем вместе с супругой Варварой Васильевной (урожденной Адамовой) переехал сначала в Канаду, потом — в США, где они и скончались, похоронены в некрополе Свято-Троицкого монастыря в США.

Расскажу немного о судьбе дочерей отца Захария.

Начну с младшей — Елены Захаровны. После гибели отца она оставалась жить в родительском доме. Тогда ей было лет 16. Вот что пишет о ней Вронская. «Младшая сестра Любови Захаровны — Елена

Рис. 7
Валерия
Петровна Гончарова
(Александрова)

(о ней речь пойдет дальше — О.Т.) вскоре вышла замуж, избрав себе мужа Петра Александрова — хозяина с коммерческой хваткой, и чета эта вплотную занялась оставшимся после развала семьи, но сохранившимся в целостности родительским домом и приусадебным участком». В 1924 году у Александровых родилась дочь — красавица Валерия Петровна Александрова (в замужестве — Гончарова) (Рис.9). Известно, что в 1938 г. они жили в г. Дмитровске Курской области, где Елена Захаровна занималась пчеловодством, здесь же жил ее брат Николай. Как я уже писала, во время войны г. Дмитровск был оккупирован немцами. В 1947 г. Александровы жили в г. Орле, где муж Елены работал в Областной конторе пчеловодства инструктором — пчеловодом. Вскоре Елена Захаровна с дочерью после развода с мужем переехала в Казань по совету брата Федора Захаровича. Они сняли «угол» в полуразвалившемся ветхом домишке на ул. Волкова. Валерия, необыкновенно музыкально одаренная, имеющая прекрасный голос, поступила учиться в консерваторию. Жизнь у нее была очень трудной как в материальном отношении, так и в моральном. Елена Захаровна не работала, да и характер у нее был очень тяжелый. Чтобы как-то сводить концы с концами Ва-

лерии приходилось давать по вечерам уроки игры на аккордеоне и жить на эти гроши, а от помощи казанских родственников она категорически отказывалась — не позволяло какое-то внутреннее благородство и гордость. После окончания института (по специальности — хоровой дирижер) и до последних дней жизни она работала в 1-ой музыкальной школе им. Чайковского. Человек необыкновенной душевной красоты Валерия Петровна была талантливым и любимейшим педагогом (как признавались некоторые ее ученики, они не бросали школу только из любви к ней, к ее занятиям). Она была прекрасным садоводом, скорее, цветоводом. Скольких людей (и знакомых, и даже мало знакомых) она одаривала цветами! В их садах до сих пор цветут подаренные ей кусты необыкновенной махровой сирени и другие великолепные растения, она даже превращала в цветущие сады пыльные территории детских садов. Валерия Петровна была замечательной женой и прекрасной матерью. Она прожила всего 62 года, но память о ней ее учеников, коллег, родственников и друзей сохранилась навсегда. Хотя умерла она больше 20 лет тому назад, в 1-ой музыкальной школе проводятся вечера ее памяти. О ней говорят, что она была «святой человек».

Следующая дочь отца Захария — Любовь Захаровна Амфитеатрова (Рис.8) — после трагической гибели отца, произошедшей на ее глазах, прожила недолго в родительском доме отчасти по этой причине, отчасти потому, что она не одобряла брака ее младшей сестры Елены, которая привела в дом своего избранника. Поэтому Любовь Захаровна вскоре переселилась в Богословскую школу слободы Михайловки, в имеющуюся при школе комнату для учительницы, официально бескорыстно отказавшись от своей доли дома в пользу сестры и став, таким образом, жительницей слободы. Вот что пишет о ней В. Вронская, которая работала в то время директором местной школы. «Человек — одиночка. Внешне она была очень привлекательной, с лицом почти классической чеканности, цвет лица свежий, стриженная (что было необычно в те годы), выражение лица замкнутое, но тем не менее, освещенное спокойным внимательным, каким-то понимающим взглядом не очень больших голубовато-серых глаз. В одежде — ничего оригинального. И все-же выделялась каким-то выдержанным постоянством: юбка, белая накрахмаленная и идеально выутюженная кофта, заправленная в юбку с кожаным пояском, в руках — скромная сумочка с носовым платком и, что было не свойственно другим девушкам, там, в этой сумочке, вместо духов и пудры — непременно находились карандашик и записная книжка. Обувь была не оригинальна: в ту пору все девушки носили самодельные туфли из грубой холстины на веревочной подошве. И все же весь ее облик выделялся среди окружающих какой-то предельной, бросающейся в глаза, абсолютной чистотой. Чистотой как бы нарочи-

той, и это раздражало окружающих. И все же доля неприступности в ней была... Любовь Захаровна отличалась своей отчетливой отчужденностью, отторжением любой какой бы то ни было близости с молодежью... У Любови Захаровны не было привычки весело смеяться, а этикет позволял лишь слегка сдержанно улыбаться. И то, что могло казаться результатом пережитого шока от жестокой картины гибели отца, возможно, было только проявлением основ светского воспитания». Тогда почему же другие сестры были не такими? Просто они не видели этого ужаса, да и натуры у них были не такие тонкие. Ведь младшая сестра не пошла же провожать отца на гибель, не возила его тело на отпевание, а спокойно оставалась дома.

Вот как описывает Вронская дальнейшую жизнь этой незаурядной стойкой женщины. «Любовь Захаровна, работая в школе, организовала по собственной инициативе в местном клубе великолепный краеведческий музей, после чего ее официально оформили заведующей этим музеем. Она много читала научной литературы, заучивала все, упорно работала над собой, глубоко и систематически пополняя проблемы своего образования, полученного в епархиальном училище. Вскоре Любовь Захаровну взяли туда на работу педагогом по географии и биологии. Работая в школе, она проявила себя не только вполне квалифицированным педагогом, но и широко откликнулась на всякие мероприятия по организации внешкольного досуга учащихся: походы на лоно природы, концерты, утренники, любительские спектакли, проявляя при этом недюжинное свое умение, инициативу и художественный вкус. Неутомимость, умение довести все намеченное до высокого уровня были ее отличительной чертой. При всей кажущейся чопорно-

Рис. 8
Любовь
Захаровна
Амфитеатрова

сти она казалась человеком с весьма живой душой, раскованно участвуя в хоровом пении, в коллективных играх школьников. Чего стоило одно то, что с ее приходом в школу она превратила нудную для ребят уборку классов в какой-то чуть ли не увеселительный праздник. Любовь Захаровна всегда самолично возглавляла это мероприятие: подвязавшись не без кокетства косынкой, подоткнув подол и разувшись, включалась она в это мытье полов. А девочки, задрав юбочки, и то же стараясь босиком, самозабвенно драили полы голиком веника с мылом и песком. А мальчики успевали только выносить грязную воду и приносить все новые ведра чистой. А летом Любовь Захаровна затевала уборку обширного школьного двора, заросшего травой. И тут она демонстрировала свое мастерство владения серпом. Одев нечто вроде русского сарафана, подвязав по-деревенски голову и обувшись в сплетенные по ее ножке лапти, Любовь Захаровна принесенным ею из дома маленьким серпом (точно по заказу, сделанным специально по ее руке) начисто сжала всю траву, показывая при этом, как надо вязать снопы.

И казалось, что все это доставляет ей большое наслаждение. По всему было видно, что с детства она была приучена к этому труду в земельных угодьях отца. И ее маленькие руки с коротко подстриженными ногтями, без следов входящего в те годы увлечения маникюром, были вполне рабочими, крепкими, ловкими. Умела она организовать (с обязательным личным участием) и пилаку, и колку дров, и изготовление вороха лучинок для растопки школьных печей. И все это происходило дисциплинированно, со всей серьезностью, как некий священный ритуал. Все это раскрывало ее богатую, одаренную натуру. Дети в школе скоро прониклись к ней полным доверием и уважением. Она сумела их не только увлечь своими предметами, но они вскоре стали ее первейшими помощниками и друзьями по расширению краеведческого музея». Позже Вронской, уже жившей в Москве, удалось добиться приглашения Любви Захаровны на работу в Университет, на геологический факультет, препаратором в музей при кафедре палеонтологии сначала без оклада, на несколько месяцев с испытательным сроком. Она

Рис. 9
Софья Захаровна
Троепольская
(Амфитеатрова)

с радостью согласилась. Написала брату Федору, который одобрил ее решение и обещал ей присылать по 20 рублей в месяц. Вскоре Любови Захаровне удалось поступить на геофак Университета, ей дали и стипендию, и общежитие. И это произошло без вступительных экзаменов, с недостаточным средним образованием, да еще и с происхождением из духовенства, да еще с зачислением на стипендию! Это действительно была, по ее выражению «сказка»! Любовь Захаровна вполне этого заслужила благодаря ее личным достоинствам. Через годы Любовь Захаровна поняла, что геология — не ее стихия. Она перевелась на кафедру археологии и антропологии, успешно окончила университет, жила и дышала музеем при кафедре антропологии, который в то время был запущенным и мало популярным. С приходом туда Любови Захаровны благодаря ее усилиям

музей возродился, получил новое дыхание. В 1937 году она решила организовать там выставку для более широкого обозрения к майским дням. Ну, конечно, надо было произвести генеральную уборку. Распахнула большие окна музея и самолично принялась их мыть. Сама... все сама. А кто же еще? Кому она могла доверить мытье возлюбленного ею музея? Любовь Захаровна, естественно, простудилась. Воспаление легких. Ее соседки по комнате в общежитии, где она жила, поняли серьезность положения, когда было уже поздно. Успели только дать знать в Казань Федору Захаровичу, но брат подоспел только к похоронам.

Об Ольге Захаровне Амфитеатровой я знаю очень мало. Известно, что она рано вышла замуж за сельского священника и уехала из Гнани, что в 1938 году была преподавателем начальной школы в г. Дмитровске Курской области, а в 1947 году она уже не упоминается в сведениях о родственниках в анкетном листе Федора Захаровича.

Рис. 10
Отец Иоанн
Егорович
Троепольский

Рис. 11
Виктор Иванович
Троепольский,
1925 г., г. Дмитров

Старшая дочь отец Захария — Софья Захаровна (Рис. 9) первой из дочерей уехала из родительского дома, выйдя замуж за священника с. Асламово Орловской губернии отца Иоанна (Ивана Егоровича Троепольского) (Рис.10) — одного из представителей священнического рода на Орловщине. О судьбе этой семьи (моих бабушки и дедушки по отцовской линии) и пойдет дальше речь.

Отец Иоанн родился в семье священника с. Ломовец Орловской губернии. После окончания Орловской духовной семинарии служил священником сначала в селах Асламово и Яблоновец, а с 1917 года на протяжении 20 лет — в с. Добрынь той же губернии. У отца Иоанна и Софьи Захаровны было 8 детей: два сына и шесть дочерей. За это Софья Захаровна была награждена орденом

Материнской Славы II степени. Три дочери со временем стали учителями, одна — врачом, одна — химиком-лаборантом.

Сын Николай был учителем русского языка и литературы в с. Богородском Орловской губернии. Оттуда в 1941 году он ушел на фронт и погиб в 1942 году в битве под Сталинградом. По рассказам моих родителей, Коля был человек очень добрый, легковерный, высокопорядочный. Такими же выросли и оба его сына, оставшиеся без отца с самого раннего детства.

В 1923 году из родительского дома уехал старший сын — Виктор (мой отец) (Рис.11), поступив в старшие классы школы в г. Дмитрове Курской области, а дальше начал самостоятельную жизнь. Будучи учащимся средней школы, средства к суще-

ствованию он получал от случайных заработков, занимаясь то репетиторством, то работой по ночам грузчиком на железнодорожной станции. В то время по существовавшим правилам в одном хозяйстве нельзя было иметь более одной лошади, одной коровы и т. д., поэтому над большой семьей Ивана Егоровича (10 душ) нависла угроза лишиться части своего имущества и скотины - кормилицы, а в общем и трудовом пользовании их двора имелось: одна рабочая лошадь и один жеребенок, одна корова и один теленок да 4 овцы и 10 кур. Тогда после окончания школы в 1927 году Виктор, по просьбе отца (с целью сохранения хозяйства), официально отделился от семьи, произведя раздел приусадебной земли и всего имущества в родительском доме на две части в пропорции 1:9. С 22 лет началась его трудовая деятельность. Как сына священника, чего он никогда не скрывал, его документы не брали ни в один вуз. В это время ему приходилось выполнять работу чернорабочего на металлургическом заводе, возить уголь в шахте Донбасса, работать воспитателем детгородка для беспризорных на Украине. С 1929 года жизнь Виктора Ивановича Троепольского была связана с Казанью, куда он приехал, опять же по совету уже жившего в Казани дяди — Федора Захаровича Амфитеатрова, в надежде поступить в институт. Но и здесь ему не везло: многочисленные попытки осуществить свою мечту — получить высшее образование — были безуспешными, документы не брали ни в один вуз из-за происхождения. Он работал воспитателем в детдоме, рабочим на меховой фабрике, потом был призван в Армию. После демобилизации работал военным руководителем в нескольких учебных

заведениях Казани. Только в 1932 году, когда ему было 27 лет, осуществилась его мечта — он поступил в Казанский Университет на геолого-почвенно-географический факультет, который закончил с отличием. В 1933 году Виктор Иванович женился на Надежде Ивановне Покровской, судьба которой была в чем-то схожей с его. Ее, как дочь И.М. Покровского (сына сельского священника), бывшего профессора — историка Казанской Духовной академии (позже необоснованно репрессированного и сосланного в г. Алма-Ата, посмертно реабилитированного), также не принимали ни в один вуз и она была вынуждена для получения высшего образования зарабатывать «трудовой стаж» на мыловаренном заводе в качестве чернорабочей. (Любопытный факт: в 1908 году профессор И.М. Покровский опубликовал интересную работу о казанском периоде жизни митрополита Филарета (Амфитеатрова), не догадываясь, что через 25 лет он «породнится» с потомком архиепископа). В 1936 году и 1938 году у Виктора Ивановича и Надежды Ивановны родились две дочери — моя сестра Татьяна и я, ставшие в последствии научными работниками.

Дальнейший жизненный путь Виктора Ивановича был уже не такой тернистый. Человек исключительно трудолюбивый, целеустремленный, обладающий незаурядным талантом и организаторскими способностями, блестящий оратор он стал известным геологом-нефтяником и одним из выдающихся ученых Казанского университета, доктором геолого-минералогических наук, профессором, заслуженным деятелем науки ТАССР. В 1954 году В.И. Троепольский (Рис.12) основал в университете кафедру геологии нефти и газа, которую возглавлял (причем, будучи беспартийным, что в те времена практически было не допустимо) на протяжении 25 лет,

Рис. 12
Профессор
Виктор Иванович
Троепольский,
1968 г.

воспитал целую плеяду учеников — известных ученых и специалистов-промышленников. Виктор Иванович был одним из первооткрывателей уникальных нефтяных месторождений Татарстана, много сделал для разведки залежей битумов Татарии и подсчета их запасов. Он занимался и большой общественной работой, на протяжении 10 лет был активным членом Казанского городского совета. Работал Виктор Иванович до последних дней своей жизни и с трудом верилось, что этому невысокому, полному, но очень подвижному, жизнерадостному и увлеченному человеку уже за 80 лет. За полгода до смерти, уже прикованный к постели после перенесенного инсульта, он продолжал писать статьи, интересовался жизнью кафедры и родного университета. Он был молод и сердцем, и душой, и секрет его молодости был в титаническом трудолюбии и оптимизме. 10 мая 1989 года на 85-м году жизни Виктор Иванович скончался... На рабочем столе осталась неоконченная рукопись. Перед смертью он сказал, что хочет только одного

— чтобы открыли нефть на западе Татарстана. Он страстно верил, что нефтяной потенциал республики не исчерпан. В университете и на доме, в котором он жил, установлены мемориальные доски.

Но вернемся к судьбе Софьи Захаровны и Ивана Егоровича Троепольских.

В 1930 году Софья Захаровна (вероятно, из-за бесконечных гонений на священнослужителей и из страха за свое будущее и судьбу детей) разошлась с мужем. Как писал ее сын Виктор Иванович в 1952 году в своей автобиографии, «многократные попытки уговаривания отца о снятии с себя духовного сана и прекращения его деятельности, как священнослужителя, успеха не имели, так как он был очень религиозным человеком» и не мог оставить свою паству. Тогда Софья Захаровна уехала жить к сыну Николаю в с. Богородское Орловской области и «перешла на иждивение детей, живших еще до этого периода самостоятельно, раздельно и вдали от

родителей» (из личного листка Виктора Ивановича, 1949 год), в других городах и селах. Позже Софья Захаровна жила то у одной из старших дочерей, то у другой, то у старшего сына. В конце концов, после войны она окончательно переехала в Казань, где уже жили ее брат Федор и сын Виктор, вскоре в Казань перебрались и ее дочери Лидия, Ольга, Вера и Любовь (вдова погибшего на фронте мужа с двумя малолетними детьми), а также ее сестра Елена с дочерью Валерией (Рис. 13). Скончалась Софья Захаровна в Казани в возрасте 94 лет.

Отец Иоанн прослужил священником в с. Добрынь до 1937 года, когда в Орловской области произошли массовые репрессии духовенства и верующих. Он (и еще 91 человек) в сентябре 1937 года был брошен в тюрьму г. Орла, облыжно осужден, как участник контрреволюционных организаций церковников, якобы существовавших в то время в Орловской области, а через два месяца приговорен к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией принадлежащего ему имущества. В частности, одним из обвинений, предъявленных ему и составленных безграмотным следователем, была «организация «крестового похода» (!), целью которого был протест против закрытия церкви, а также ведение агитации против проводимых партией и Соввластью мероприятий, в частности, против колхозов, в защиту (!) расстрелянных врагов народа». Приговор был приведен в исполнение в г. Орле. Ровно 20 лет спустя, 30 декабря 1957 года, Иван Егорович был реабилитирован Прокурором Орловской области, дело было прекращено и решение «тройки» отменено за недоказанностью обвинения. В 30-е годы его сын Виктор

неоднократно, но безуспешно пытался связаться с отцом, писал письма, но ответов не получал. Последний раз в конце 1936 года, когда у Виктора Ивановича родилась первая дочь, он без всякой надежды на ответ послал в с. Добрынь ее фотографию. Письмо вернулось, вернее, его принес неизвестный человек, который на словах вместе с благословением передал поздравление, но возвратил письмо и фотокарточку из страха, что если их обнаружат и узнают о существовании и местонахождении его по-прежнему очень дорогих родных, то это может доставить им большие неприятности, а уничтожить их у него не поднялась рука. Это была последняя и единственная весточка, из которой мой отец услышал, что его отец еще жив. К сожалению, никто из детей при жизни так и не узнал ни о трагической кончине их отца, о. Иоанна, ни о реабилитации этого прекрасного иерея, настоящего христианина.

В 70-е годы прошлого столетия мы с папой посетили село Гнань. Церкви уже не было, мельницы тоже, а на мостике через пересохшую речку мы постояли. Тут я с ужасом впервые узнала о трагедии 1918 года, поняла, почему папу так тянуло на старости лет в эти места. Тогда он мне сказал: «Мой дед о. Захарий перед гибелью держался за эти поручни, поэтому ему отрубили руки прежде, чем скинуть в речку». Наверное, это были уже другие поручни, возможно, и мостик другой... Побывали мы и в вымирающей деревне Добрынь, в которой имелось около 10 дворов, на месте бывшей церкви, где служил священником мой дед отец Иоанн Троепольский, расстрелянный только за то, что не изменил своей вере и убеждениям. И церкви нет, и никто, кроме моего отца, уже не помнил, где она стояла, где был родительский дом, из которого он ушел в далеком 1923 году. Все поросло бурьяном...

Рис. 13
Елена Захаровна, Софья Захаровна и Федор Захарович Амфитеатровы,
1948 г., г. Казань

ЗДЕСЬ я рассказала о трагической судьбе двух моих предков – отце Захарии и отце Иоанне – простых сельских священников, жизнь которых оборвалась после революции в 1918 и 1937 годах, и о том, как она сказалась на судьбах их детей.

Кто-то из них выдержал те страшные испытания жизни, добился высот, несмотря ни на что, оставаясь истинными патриотами своей родины, кто-то остался верен своим убеждениям, кто-то сдался. Кем-то хочется гордиться, о ком-то сожалеть, но никого нельзя осуждать. Может быть, те, кто смалодушничал, всю оставшуюся жизнь страдали и корили себя за это. Кто знает? Но правду знать надо. К сожалению, из близких, знавших ее, не осталось в живых уже никого (а ведь они были рядом, и не так уж давно), кто мог бы рассказать подробнее о жизни и судьбе моих близких родственников.... Раньше, по молодости, мы и не интересовались судьбой наших предков, да и жизнь была такой, что все жили в страхе, и взрослые из лучших побуждений старались как-то оградить своих детей от неизбежной раздвоенности между тем, чему их учили в школе, и тем, что происходило в действительности. Сейчас нам обидно, что мы так мало знаем о наших дедах и прадедах. Может быть, эти, подчас скудные сведения, собранные по крохам, заинтересуют наших потомков, когда придет их время «любви к отеческим гробам».

Озодемьянскъ. Видъ съ горы.

С КВОЗЬ ВЕКЯ

Даме въ
ирией ?
нд. 1911г.
алчине

Handwritten notes and a card. The card says "CARD" and "KAZAN".

Handwritten text on a document, including "Казанскому губернатору" and "Губернского Правительства".

Handwritten notes at the bottom left, including "Судре работнику" and "защитный листок".

Printed text at the bottom of the portrait, including "Felsner" and "KAZAN".

Printed text at the bottom of the page, starting with "Уважаемый Господин Председатель".

**КАЗАНСКОЕ
ЕПАРХИАЛЬНОЕ
ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ**

Е.П. Ключевская

стр. 64

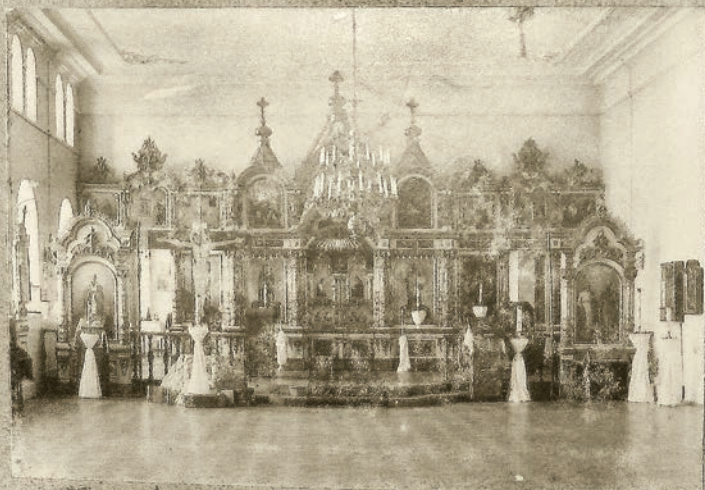
3

*из семейной
летописи*

**Екатерина
Петровна
КЛЮЧЕВСКАЯ,**
кандидат
искусствоведения
(г. Казань)

ЭЖУ

Богоявленская церковь в Казани

Лист
из вы-
пускного
альбома
Е.В. Камен-
евой
по окон-
чании
Казанско-
го епар-
хиального
училища
в 1906
году с
видом
здания
училища
и интер-
ьера
домовой
церкви.

История Казанского епархиального училища неразрывно связана с развитием женского духовного образования в России в XIX веке. В трудах ряда авторов эта тема получила достаточно глубокое истолкование (1).

Импульсом к развитию средних женских духовно-учебных заведений стало учреждение в 1842 году имевшего сословно-утилитарную цель «Образцового училища для девиц духовного звания» в Царском Селе при содействии и покровительстве Великой Княжны Ольги Николаевны (впоследствии королевы Виртембергской).

Реформы Александра II открыли дорогу женщинам различных социальных слоев к образованию, изменяя представление об их месте и роли в обществе. Среди руководящих деятелей Церкви в 1860-х годах сложилось твёрдое убеждение в необходимости учреждения женских духовных училищ. Как отмечал епископ архангельский Нафанаил, в чьих суждениях наиболее полно отразились взгляды церковных иерархов на цели этих учебных заведений, «только от образованных девиц можно ожидать полного облагораживания домашнего быта духовенства, только от образованных священнических жён можно ожидать надёжной нравственной поддержки самим священникам среди грубого сельского общества; самое воспитание собственных детей и при-готовление одних к училищу, других к жизни пойдут правильнее в руках образованных».

Женские епархиальные училища, всего по России их было около 70, состояли в ведении Святейшего Синода под непосредственным управлением епархиальных архиереев, и вверялись ближайшему попечению местного духовенства, которое само находило средства к их содержанию. Создаваемые для дочерей православного духовенства, они не являлись лишь сословным учебным заведением. За особую плату, определяемую местным духовенством, там могли обучаться девицы из других сословий общества. Эти положения были закреплены типовым Уставом женских епархиальных училищ, утвержденным 20 сентября 1868 года Александром II. Училища предназначались для девочек из духовного сословия, как для дочерей священников, так и для дочерей дьяконов и причетников. При шестилетнем сроке обучения они представляли собой среднюю школу. Значительная часть девочек обучалась и содержалась за епархиальный счет, за остальных родители вносили небольшую плату. Училища имели собственные пансионы. Прием осуществлялся по конкурсу, от поступающих требовалось полноценное начальное образование. По новому Уставу от 26 апреля 1901 года училища стали шестиклассными (шесть классов по году). Во многих городах России епархиальные

училища открылись сразу же в 1868 году, в Казани же это событие произошло намного позже — училище было учреждено 8 сентября 1889 года. В училища поступали после окончания начальной школы или с домашним образованием. Большинство священников, дьяконов и псаломщиков мечтали отдать детей в хорошее учебное заведение, поэтому конкурс всегда был большим и отбор строгим. Уровень обучения был достаточно высок, в старших классах преподавателями являлись, в основном, выпускники духовных академий и университетов. При этом программы были вполне светскими, общеобразовательными с педагогическим уклоном. При каждом епархиальном училище действовала образцовая начальная школа для педагогической практики. В конце 1860-х годов в училищах был открыт седьмой педагогический класс, и большинство воспитанниц его заканчивало. В начале 1870-х годов в епархиальных училищах и женских училищах духовного ведомства был введен курс педагогики, согласно программе, составленной выдающимся русским педагогом К.Д. Ушинским. Воспитанницы, окончившие полный курс училища получали права на звание учительницы без дополнительных экзаменов. Уровень епархиального образования не уступал гимназическому, а возможно и превосходил его по некоторым жизненно необходимым аспектам, таким, как обучение рукоделию, ведению домашнего хозяйства, элементам огородничества, что, впрочем, оставалось на усмотрении епархиального руководства.

С прибытием на казанскую кафедру Архиепископа Павла (Лебедева) 29 сентября 1887 года начался новый этап в осуществлении проекта учреждения в Казани епархиального училища (2). И уже 19 февраля 1890 года последовал Указ Святейшего Синода с разрешением открытия Казанского Епархиального училища, а в марте состоялся съезд духовенства для решения организационных вопросов, а именно: 1) избрание училищного Совета; 2) избрание Строительного комитета; 3) составление сметы на содержание училища на 1890-1891 учебный год; 4) решение об открытии епархиально-коштных мест и определении средств на них; 5) определение платы за содержание пансионеров; 6) об ассигновании потребных средств для своевременного открытия училища.

Казань стала единственным провинциальным городом, где одновременно было два женских духовных учебных заведения — Окружное училище духовного ведомства и Казанское епархиальное училище.

Училищный Совет был определен в составе председателя - доцента Духовной Академии Н.П. Виноградова, двух членов представителей духовенства — священников Евдокиинской церкви г.Казани К.С. Ильинского и Владимирского собора Д.П. Сельского, старшей воспитательницы Казанского училища духовного ведомства Афанасии Стратониковны Федоровой (начальница училища) и кандидата богословия М.К. Источникова (инспектор классов)(3). Строительный комитет, председателем которого был

избран протоиерей П.Д.Миловидов, озаботился устройством и приготовлением приобретенного дома наследников Никольских, расположенного на хорошей тихой улице (Новокомиссариатской, Комлева, ныне Муштари), к потребностям училища (4). Работы были сданы подрядчику казанскому временному купцу И.С. Арефьеву.

Открытие училища состоялось 8 сентября 1890 года: «В 1 час по полудни в училище прибыл Его Высокопреосвященство, Член Св.Синода, Высокопреосвященнейший Павел, Архиепископ Казанский и Свияжский. Вновь поступившие в училище воспитанницы встретили Его Высокопреосвященство пением тропаря празднику. К этому же времени в училище прибыли и другие высокопоставленные лица г. Казани: Г. Попечитель Казанского учебного округа Н.Г. Потапов, Городской Голова С.В. Дьяченко, о. Ректор Духовной Академии, о. Ректор Семинарии, а также некоторые лица из городского духовенства (5). Тотчас по своем прибытии в училище Его Высокопреосвященство, в сослужении о. председателя строительного комитета при училище, протоиерея П.Д. Миловидова, о. председателя Совета училища, священника Н.П. Виноградова, и членов Совета священников Д.П. Сельского и Е.С. Ильинского, и при пении хора архиерейских певчих, совершил молебен с водосвятием. Об окончании молебствия Его Высокопреосвященство обратился к воспитанницам нового училища с краткою, но полною глубокого чувства и отеческой любви, речью, в которой, после приветствия детей с радостным событием открытия Училища и указания важности этого события для духовенства Казанской епархии, Владыка обратил внимание вновь поступивших воспитанниц на то, что им выпал счастливейший жребий—первыми из всех дочерей духовенства Казанской епархии воспользоваться плодами открытия училища, о чем они должны всегда помнить и быть благодарными ко всем лицам, способствовавшим открытию училища. Заключив свою речь наставлением детей руководствоваться в жизни примером Пресвятой Богородицы, на день рождения которой пало открытие училища, Владыка благословил их иконою Казанских святителей Гурия, Варсонофия и Германа и свв. мучеников Авраамия Болгарского и Иоанна. Вслед за тем инспектором классов и преподавателем училища М.Источниковым была прочитана краткая записка об открытии училища. По окончании чтения краткой записки об открытии училища, Его Высокопреосвященство и некоторые из почетных гостей выразили желание осмотреть вновь устроенные и приспособленные к училищным потребностям помещения и прошли по всем комнатам деревянного флигеля, в котором помещается училище. Порядок, чистота и все удобства, устроенные в столь короткое время и при незначительно сравнительной затрате денег, произвели на всех посетителей весьма приятное впечатление, и Его Высокопреосвященству благоугодно было тут же выразить свое одобрение и внимание за усердные труды Совету и Строительному Комитету, в лице их председателей, а радушно предложенною почетным гостям о.

председателем Строительного Комитета а также начальницей училища торжество открытия училища заключено было трапезною» (6).

Архиепископ Казанский и Свияжский Павел не оставлял своим вниманием епархиальное училище, выступив с инициативой строительства для него нового здания: «27 ноября 1890 года отцы депутаты епархиального съезда заслушали резолюцию Его Высокопреосвященства от 21 ноября 1890 года за 534-м, 1) о том, что необходимо построить для Женского Епархиального Училища новое здание, в котором могли бы поместиться церковь, классы, спальные, столовые, кухня и проч., так как в существующем старом доме может поместиться лишь один первый класс; что необходимо приступить к постройке здания в 1891 году, так, чтобы летом 1892 года свободно можно было открыть второй класс и совершать Богослужение в церкви, при чем изыскать и самые средства, необходимые к постройке здания в 1891 году».

Собственно, место для строительства здания уже имелось, благодаря приобретению в 1889 году усадьбы наследников Никольских, состоявшей из каменного здания с деревянным флигелем с довольно обширным дворовым местом и фруктовым садом: «Приобретенное при доме место, вполне соответствовало постройке нового здания под училище, как в климатическом, так и в гигиеническом отношении: приобретенный дом находится на возвышенной местности, окруженной садами, вдали от шумных казанских улиц». Епархиальный училищный Совет совместно со строительным комитетом составили проект и смету для постройки здания, которые и были представлены на обсуждение съезда духовенства в ноябре 1890 года. Автором проекта был архитектор Н.М.Литвинов (7). В состав строительного комитета были избраны председатель — о. протоиерей П.Д. Миловидов, члены — священник Смоленско-Варлаамовской церкви протоиерей, благочинный Григорий Иванович Львов, священники А.С. Воскресенский, Г.А. Павловский и Н.А. Любимов; о. диаконы Богоявленской церкви — В.И. Миролубов, Варваринской — Федор Валерьянович Щепелев, Гостинодворской — Василий Григорьевич Дезидерьев наблюдатели за строительными работами» (8). Непосредственное наблюдение за постройкой здания возложено на архитектора, гражданского инженера А.Е. Остовского и Строительный Комитет, состоящий из нескольких лиц городского духовенства, под председательством о. ключаря Кафедрального собора, протоиерея П. Миловидова (9). Все работы по внутренней отделке нового здания Училища по-прежнему производились под наблюдением особого строительного комитета, состоящего из лиц городского духовенства и архитектора, губернского инженера Л. К. Хрщоновича, приглашенного Советом для руководства работами вместо архитектора Остовского, получившего перевод из Казани в С.-Петербург (10). Строительство нового двухэтажного здания епархиального женского училища было завершено в 1893 году к новому учебному году.

«Известия по Казанский епархии». Начало XX века

Однако число желающих поступить в училище ежегодно возрастало: в 1896 году изъявили желание экзаменоваться в 1 класс 120 девочек, из которых приняли 94, в 1898 году из 105 испытуемых приняли 57, а 35 успешно сдавшим экзамены, было отказано за переполненностью училища. Дальнейший рост училища встретил неодолимые препятствия из-за ограниченности помещений. 17 февраля 1899 года по настоянию архиепископа Павла решили немедленно приступить к расширению здания. В 1899 году по проекту епархиального архитектора Ф.Н. Малиновского подрядчик Н. Колобов надстроил третий этаж (11). Это позволило увеличить количество учениц со 130 до 260. 2 сентября 1899 года расширенное и отстроенное заново епархиальное училище гостеприимно открыло свои двери вновь поступившим в первый класс, а потом и прежним ученикам. «Все были поражены наружным видом здания и внутренним устройством его. Грандиозное здание с зеленой крышей, красиво окрашенное в два тона, увенчанное массивным позолоченным крестом, епархиальное училище производило внушительное впечатление. Надстроенный этаж совершенно изменил внешний вид здания, сделав его более изящным и гармоничным в частях».

Церковь при училище была устроена не сразу – первые три года оно не имело домового церкви и в праздничные и воскресные дни ученицы ходили к литургии в приходскую Кирилло-Мефодьевскую церковь. Инициатива по устройству домового училищной церкви исходила непосредственно от Архиепископа Павла

(Лебедева). Его усилиями были собраны необходимые для этого средства. Первыми благотворителями стали О.С. Александрова-Гейнс, пожертвовавшая 3000 руб. и Елабужский Благотворительный комитет, от которого поступило 500 руб. (12). Расходы по написанию икон для иконостаса и храма принял на себя почетный блюститель по хозяйственной части училища В.И.Заусайлов (13).

Освящение училищного храма состоялось 12 октября 1893 года. Подробное изложение событий этого дня приводится на страницах «Известий по казанской епархии»: «В 8 часов утра совершено было положенное водоосвящение. В десятом часу утра в училище прибыл Архиепископ Казанский и Свияжский Владимир II (Петров), встреченный собором священнослужителей, назначенных к участию в освящении храма и совершении божественной литургии. Были: о. ректор духовной семинарии архимандрит Филарет, о. ключарь кафедрального собора священник А.Яблоков, инспектор училища священник М. Источников, член Совета протоиерей Д. Сельский, о. председатель строительного комитета священник Г. Павловский и о. благочинный г. Спасска священник М. Леонов. По завершении литургии воспитанницы Училища отправились в свою столовую, где их ожидал праздничный обед. Гости же были приглашены почетным блюстителем Училища В.И. Заусайловым во временное помещение Начальницы Училища, где был накрыт чай, а в актовом зале — закуска и приличные торжеству обед».

Спустя немногим менее двух месяцев после этого события на страницах «Известий по Казанской епархии» (1893 № 23.) было помещено описание вновь устроенной домово́й церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы епархиального училища: «Занимая самый верхний (третий) этаж нового здания, новоустроенная училищная церковь представляет собою довольно обширное (длиною около 8 саж. и шириною — 1 1/2 саж.), высокое (2 саж., 1 арш. и 14 верш.) и светлое (в два света) помещение. При входе в церковь, прежде всего обращает на себя внимание очень красивый и изящный иконостас (работы мастера И.А. Фешина), украшенный золотою резьбою по светло-голубому фону. Двухъярусный иконостас уставлен живописными иконами, весьма удачно исполненными иконописцем Семеновым по указанию Совета Училища при участии почетного блюстителя В.И. Заусайлова — опытного знатока в иконописном деле, который кроме того, принял на себя все расходы — до 600 руб. — по написанию икон в иконостасе и храме» (14).

Создатели иконостаса заслуживают того, чтобы уделить им особое внимание, не только на том основании, что казанское художественное ремесло остается слабо изученным аспектом православного искусства, не в последнюю очередь и в силу понесенных невосполнимых потерь за годы советской власти, но и ввиду значимости самих личностей, неразрывно связанных с культурой и искусством Казани.

Иван Александрович Фешин, происходил из арзамасских мастеровых, с 1878 года содержал позолотно-столярную иконостасную мастерскую в Казани на Проломной улице в доме Апакова, позже — на Московской, при 16 рабочих с годовым оборотом до 10 тысяч рублей. «За хорошую резьбу по дереву, разнообразие рисунков и правильную постановку мастерской» был награжден Большой серебряной медалью Казанской научно-промышленной выставки 1890 года и в том же году избран старшиной столярного цеха, что также свидетельствовало об авторитетности его в профессиональном сообществе. В начале 1910-х годов И.А. Фешин разорился, и мастерская закрылась. Иконостас церкви Епархиального училища и алтарь Римско-католического костела — единственные ныне известные работы мастерской И.А. Фешина.

Создатель иконописного убранства церкви — Александр Ефимович Семенов, бузулукский мещанин, владелец мастерской «живописи, икон и портретов» в Казани на Проломной в д. Раскатова с годовым оборотом до 2000 руб. Он также был экспонентом Казанской ремесленной и сельскохозяйственной выставки 1886 года, на которой был удостоен Малой серебряной поощрительной медали, и Казанской научно-промышленной выставки 1890 года, получив на сей раз Большую серебряную медаль «За выдающиеся достоинства портретов и хорошее качество живописных работ». Кроме Епархиального училища, мастерская А.Е. Семенова исполнила в 1896 году иконы для домового Благовещенской церкви Земледельческого училища, в 1902-1904 годах участвовала в росписи Никольского собора в Чистополе. Сохранились сведения о том, что в 1899 году А.Е. Семенов состоял учителем живописи и рисования в Казанской духовной семинарии. Единственное сохранившееся произведение А.Е. Семенова — «Портрет А.Ф. Лихачева» (ныне — в ГМИИ РТ), созданный, по всей вероятности, ко времени открытия Лихачевского отдела Городского музея, что само по себе подчеркивает статус мастера (15).

Состав икон в иконостасе и алтаре известен по публикации на страницах «Известий по Казанской епархии», посвященной церкви. В их перечне, включающем обычные праздничные, христологические и богородичные иконы, обращают на себя внимание иконы Св. княгини Ольги и Св. князя Владимира, ее внука — «начальников веры» и «корней православия», святых прославивших Казанскую землю — Гурия, Германа, Варсонофия, что подчеркивало просветительский аспект домового храма именно учебного заведения, обращая мысли молодой паствы к истории утверждения православия, в том числе и на Казанской земле, а главное — иконы равноапостольных Мефодия и Кирилла, которые почитались как «учители словенские»: именно к ним обращались с молитвой о даровании детям ума и желания учиться, о помощи в учении. Необходимые церковно-служебные предметы были

приобретены в казанских магазинах, некоторые же — наиболее ценные, например, паникадило, лампы, подсвечники были выписаны Советом училища из Москвы, по предварительному выбору их во время Нижегородской ярмарки.

В ходе расширения и обновления Епархиального училища 1899 года была расширена и обновлена и училищная церковь, в целом не претерпевшая однако коренных изменений. Преобразования были сделаны в ходе надстройки третьего этажа училищного здания, о чем подробно писал Н.И. Владимирский (16). При посещении обновленного храма, архиепископ Арсений обратил внимание присутствующих «на картину над жертвенником проф. П.В. Знаменского «Распятие Христа», воспроизводящую с некоторыми вариациями картину В. Васнецова в Киевском Владимирском соборе» (17). Занятия иконописью и живописью — мало известная часть биографии П.В. Знаменского, о чем, впрочем, сам он упоминает в своих записках, ныне хранящихся в Национальном архиве РТ (18). Думается, упомянув на страницах своей публикации об этом, на первый взгляд, частном эпизоде, Н.И. Владимирский преследовал цель акцентировать некоторые аспекты, а именно, значительность пожертвований в храм и авторитетность жертвователей — сам преосвященный Арсений пожаловал в церковь икону соименного святого — преподобного Арсения Великого, побуждая таким образом последовать этому примеру, а также подчеркнуть стремление идти в ногу со временем в области современных тенденций в области историко-религиозной живописи, т.к. Владимирский собор в Киеве, по словам современника «чудный и наилучший памятник нашего церковного зодчества с росписями В. Васнецова и М. Нестерова, открыл, можно сказать, новую эру в области русской церковной живописи» (19).

Пожертвования на устройство и украшение училищной церкви и деньгами и вещами поступали постоянно от разных лиц и обязательно перечислялись в училищных отчетах. Начало этому положил Высокопреосвященнейший Павел, Архиепископ Казанский и Свияжский на акте открытия училища 8 сентября 1890 года — Владыка благословил воспитанниц училища иконою Казанских святителей Гурия, Варсонофия и Германа и свв. мучеников Авраамия Болгарского и Иоанна. Почитание Авраамия Болгарского в Казани распространилось после получения из Владимира в 1873 году иконы с частицей мощей святого, имя которого с 1899 года обязательно поминалось в церковной службе после имен Гурия, Варсонофия и Германа. Кроме того, считается, что мученик Авраамий обладает особой благодатной силой предстательствовать перед Богом о больных детях. Таким образом, дар архиепископа был наполнен особым смыслом. Епархиальным архитектором М.В. Малиновским были пожертвованы священные сосуды; покойным протоиереем Н.Д. Миловидовым, бывшим председателем Строительного комитета при училище — Св. крест, Евангелие, кадило и священническое облачение; от покойного священника с.Чернышевки Тетюшского уезда В. Лебедева поступило 100

руб.; от казанского 1 гильдии купца Л.А. Матвеевского 100 руб.; от Л.В. Васильева и М.Н. Пашовкиной 36 руб.; от служащего при училище Т. Сергеева 25 рублей (20). Среди вкладов были также серебряная лампада, пожертвованная А.М. Знаменской, шитая шелками пелена от Н.Н. Амосовой, образ св. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви в киоте с лампадой от Т.Ф. Орлова, икона св. Митрофана Воронежского от М.А. Тринитатовой. Были в храме и особенные иконы: «Каждый выпуск воспитанниц, помимо большой фотографической карточки с себя для актового зала, сооружает на свои средства икону и в благодарную и молитвенную память о себе оставляет ее в училищной церкви. К каждой курсовой иконе прибавляется медная табличка с вырезанной на ней надписью о времени сооружения образа» (21). Кроме того, некоторые ученицы жертвовали в храм иконы соименных святых.

Настоятелем училищной церкви в 1900-е годы был протоиерей Николай Александрович Владимирский, выпускник Казанской Духовной Академии, сын ректора Александра Поликарповича Владимирского. Он же исполнял обязанности инспектора классов и законоучителя. Должность инспектора была выборной Советом училища и утверждаемой архиереем, и требовала наличия у претендента на эту должность степени магистра или кандидата богословия, т.к. именно на нем лежало заведывание всей учебной частью училища, всем учебным процессом, контроль за исполнением преподавателями программ читаемых ими предметов, составление годовых отчетов по учебной части. Именно Н.А. Владимирского, вслед за Е.А. Маловым, можно считать летописцем училищной жизни — это их постоянные публикации об училище печатались на страницах «Известий по Казанской епархии».

Домовый храм играл важную роль в повседневной жизни епархиалок: «Воспитанницы старших классов читали по очереди утренние и вечерние молитвы, присутствовали на всенощных бдениях и литургии, говели и исповедовались. Обязательно участвовали в церковном пении. С началом русско-японской войны всякое богослужение заканчивалось пением «Спаси, Господи, люди Твоя». Церковное пение — обязательный предмет учебной программы, в разные годы его преподавали подрегент архиерейского хора Федор Сахаров, позже — Михаил Доброммыслов (22). Словесность и церковнославянский язык преподавал наставник духовной семинарии статский советник, магистр богословия Иван Невзоров.

На уроках рукоделия воспитанницы чинили священнические облачения, вышивали орлецы для архиерейского служения. С училищным храмом были связаны и все праздничные и наиболее знаменательные события училищной жизни. Как никакой иной

домовый храм, он был объектом внимания высших иерархов. По особым случаям в нем служили казанские архиепископы в со- служении с городскими архиереями. Архиепископ Казанский и Свяязский Владимир II (Петров) служил Божественную литургию на освящение новоустроенного училищного храма 12 октября 1893 года. Именно по его инициативе при Казанском епархиаль- ном училище был создан Ольгинский приют, названный в честь Великой княжны Ольги, сестры императора Александра III. В 1895-1897 годах для приюта было построено специальное здание, соединенное со зданием училища.

Домовые церкви первыми попали под удар советской вла- сти, упраздненные вместе с самими учебными заведениями декретом 1918 года. Судьба имущества церкви епархиаль- ного училища неизвестна, можно лишь предположить, что часть его могла попасть в музейный фонд Отдела по делам музеев и памятников старины при Татаркомпросе, где оно было обезличено, либо, что более вероятно, было расхище- но и погибло в разрухе гражданской войны.

К концу 1890-х годов все организационно-хозяйственные пре- образования епархиального училища были завершены, помещения училища увеличены за счет надстройки третьего этажа, расширена и обновлена домовая церковь, само учебное заведение преобра- зовано из трехклассного (по два года в каждом) в шестиклассное с годичным сроком обучения в каждом и ежегодным выпуском учениц, учебная программа расширена за счет введения двух новых предметов — естествознания и гигиены.

При поступлении в училище, помимо прошения о зачислении, необходимо было приложить некоторые документы: «метрические свидетельства или выписки о рождении и крещении; медицинское свидетельство о привитии оспы; удостоверения от благочинных, что родители или заступающие их место имеют достаточные ма- териальные средства для содержания своих детей в училищном общежитии; свидетельства о школьном образовании тех детей, которые учились в школах» (23). Возрастной ценз составлял 10-12 лет. Зачисление в училище, как уже говорилось выше, произво- дилось на конкурсной основе. Программа для поступающих (на основании общей программы, утвержденной Синодом) требовала некоторых знаний: «понятие о молитве, краткое изъяснение мо- литв, Символ веры и десять заповедей; рассказы о важнейших событиях священной истории Ветхого и Нового Завета. Великие праздники и посты Русской Православной Церкви. Русский и церковнославянский языки, чтение и пересказ, знание наизусть стихов или басен. Умение различать в словах предмет, действие, состояние, качество, главные члены предложения. Арифметика: таблица умножения и 4 действия в пределах сотни (24).

Воспитанницы, окончившие полный курс училища получали права на звание учительницы без дополнительных экзаменов.

**Лиза Каменева
в форме ученицы
Казанского
епархиального
училища.
Начало 1900-х годов.**

**Фотоателье
«Felsler Kasan»
(1876-1918).**

Уровень епархиального образования не уступал гимназическому, а возможно и превосходил его по некоторым, жизненно необходимым аспектам, таким, как обучение рукоделию, ведению домашнего хозяйства, элементам огородничества, что отчасти оставалось на усмотрении епархиального руководства.

По данным отчета за 1904/05 учебный год в числе наставников и учителей училища были следующие лица: председатель училищного совета протоиерей Петропавловского собора Иоанн Горизонтов, начальница училища со дня основания и до закрытия в 1918 году была Анастасия Стратониковна Федорова, дочь казанского священника, выпускница женского училища духовного ведомства, с 1863 года преподававшая там же. В ее функции входило обеспечение религиозно-нравственного воспитания учениц, контроль за соблюдением дисциплины и режима внутренней жизни, наблюдение за надлежащим аккуратным состоянием одежды, обуви, качеством пищи воспитанниц, состоянием помещений, надлежащем уходе за больными. Ее же обязанностью было составление отчетов о поведении воспитанниц. Решение по найму и увольнению обслуги также было в ее компетенции (25). Инспектором классов был протоиерей Николай Александрович Владимирский, выпускник Казанской Духовной Академии, сын

ректора Александра Поликарповича Владимирского, о котором уже говорилось выше. Членами Совета от духовенства были священники Симеон Васильевич Дмитриев; Владимир Георгиевич Красноперов.

К числу обязательных предметов, преподаваемых в училище относились: Закон Божий, словесность и церковнославянский язык, которые преподавал магистр богословия, статский советник Иван Невзоров; русский язык преподавала Мария Тринитатова, воспитанница Окружного духовного училища, арифметика и география, которые преподавал кандидат богословия надворный советник Иван Альфонсов, гражданскую историю преподавал кандидат богословия статский советник Алексей Смирнов, физику – Гавриил Витевский, церковное пение – Михаил Добросмыслов, чистописание и рисование преподавала Людмила Корсунцева, рукоделие – Мария Альфонсова. С 1904 года в целях расширения учебной программы были введены два новых предмета – естествознание и гигиена. Преподавателем естествознания был приглашен Александр Михайлович Магницкий, воспитанник казанского университета, преподаватель первой казанской гимназии и Родионовского института благородных девиц. Преподавались и «необязательные» предметы – за отдельную плату можно было брать уроки музыки (игры на рояле или скрипке, с оплатой в 25 и 15 рублей в год соответственно), которые преподавали Клементина и Мария Домбровские, Александра Сельская (все закончили Казанскую музыкальную школу свободного художника Орлова-Соколовского) и Анна Брянцева; рисования (оплачивая 6 рублей в год) и т.н. новых языков – французского или немецкого, которые преподавала Рудольфина Гольрагер (с оплатой 10 рублей в год).

Воспитательницами состояли Екатерина Вишневецкая, Александра Выборнова (ранее заведовавшая Ольгинским сиротским приютом), Лидия Флеринская, Зинаида Ястребова, Елена Федорова. Их основные функции состояли в помощи начальнице училища по учебно-нравственной работе, в помощи воспитанницам в приготовлении уроков, обучении домашнему рукоделию и основам ведения домашнего хозяйства. Кроме того, в штате училища была экономка, врач и больничная сестра, письмоводитель (26).

При училище была своя библиотека. Ежегодно выписывался целый ряд периодических изданий, как церковных, так и светских – «Русский паломник», «Родник», «Исторический вестник», «Детское чтение», «Детский отдых», «Нива» и др. Кроме того, в ней были атласы, карты, глобусы, бюсты писателей, стенные картины и «картины для волшебного фонаря», ноты для церковного (63) и светского (37) пения. Путем пожертвований составились небольшие минералогические и нумизматические коллекции.

Разного рода пожертвования, как деньгами, так и продуктами питания и вещами, были обязательной формой поддержки

жизнедеятельности училища. Имена жертвователей вносились в ежегодные отчеты, среди них — А.П. Репьев, А.И. Чарушин, П.В. Знаменский, Н.А. Ридман, И.В. Альфонсов, П.В. Щетинкин, В.И. Заусайлов, И.Т. Горизонтов, И.А. Невзоров, И.С. Платонов. М.Ф. Ушакова, жена статского советника пожертвовала капитал в 2500 рублей в счет стипендии на содержание беднейшей ученицы.

Занятия в училище начинались в конце августа и оканчивались в конце апреля, после чего в течение месяца проводились экзамены. Классные уроки начинались в 8 часов 45 минут утра и оканчивались в 13 часов 5 минут. Между 2 и 3 уроками — завтрак (чай с белым хлебом).

Особое внимание в публикуемых «Отчетах о состоянии Казанского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении» обращалось на такую широко практиковавшуюся форму обучения, как сочинения. Так, в 1904/05 учебном году «сочинения давались на описание, повествование и рассуждения на следующие темы: «Значение падения Иерусалима в истории распространения Христовой веры», «Привлекательные стороны деревенской жизни», «Характеристика действующих лиц в песне про Ивана Васильевича Грозного Лермонтова», «Волга-матушка — кормилица русского народа» (по географии), «Домашний быт и нравы инородцев Казанской губернии (татар, чуваш, черемис — на выбор)». «Личность великой княгини Ольги», «Дневник моих занятий в образцовой школе». При этом отмечалось: «Воспитанницы любят писать и пишут лучше сочинения на повествование автобиографического характера и описание предметов и явлений природы, доступных их личному наблюдению. Все темы отвлеченного характера разработаны значительно хуже» (27).

Общий культурный уровень учениц 1900-х годов значительно повысился, девочки отличались известной начитанностью: «Так, Совет Казанского епархиального женского училища в 1902 году обращал внимание на то, что читали девочки до поступления в училище. И были получены интересные данные: только одна девочка (дочь священника) кроме учебников других книг не имела, все же остальные читали художественную литературу. Больше всего читали повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», второе место занял «Конек-Горбунок» Ершова. Девочкам были знакомы такие произведения, как «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Шинель», «Вий», «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Принц и нищий» М. Твена, «Хижина дяди Тома» Б. Стоу, «Детство» и «Отрочество» Л.Н. Толстого. Три девочки читали Пушкина, Жуковского и Гоголя в полном собрании их сочинений. Интересно, что художественная литература преобладала над религиозно-нравственной» (28). Надо отметить, что наша бабушка, Елизавета Васильевна, спустя почти пятьдесят лет после

окончания училища помнила и с удовольствием читала нам, внучкам, наизусть стихи Тютчева, Фета, поэмы Пушкина, Лермонтова.

На уроках рукоделия «воспитанницы приучались шить свои форменные платья и белье, делали цветы из бумаги и материи, вышивали по канве берлинской шерстью орлецы для архиерейского служения, диванные подушки, вышивали гладью, шелками и гарусом подушки, скатерти, по канве шерстями ковры, полотенца, вязали в тамбур кружева, прошивки и т.п. Многие воспитанницы, — говорилось в отчете, — обладают тонким вкусом и обнаруживают большую любовь и замечательные способности к живописным и рукодельным изящным работам» (29). Эти «замечательные способности» учениц училища были отмечены серебряной медалью Международной выставки мелкой промышленности, профессионального образования и противопожарного дела 1909 года в Казани, на которую епархиальное училище и Ольгинский приют представили 57 произведений воспитанниц. «Вторая медаль была получена этим же училищем в 1911 году» (30). Кроме того, уроки рукоделия были задействованы и в более насущных нуждах — с началом русско-японской войны училище получало от местного отделения Красного креста материал, который перерабатывался для военных госпиталей, в чем принимали участие ученицы и классные дамы под руководством начальницы училища.

Значительно труднее воссоздать бытовую сторону училищной жизни — в отчетах ей уделялось лишь несколько строк: «Помещения училищные отличаются большими размерами и чистою, обилием света и воздуха, пища, одежда, обувь, белье выдаются учащимся в достаточном количестве и хорошего качества». В баню ходили раз в две недели, но нижнее белье меняли еженедельно (31). Епархиальные училища управлялись Советом, состоящим из представителей духовенства, от него и зависел внутренний распорядок жизни и бытовая атмосфера в училище.

О том, сколь разными они были в различных училищах, свидетельствуют воспоминания учениц ярославского, виленского, рязанского, архангельского, калужского, тобольского, костромского училищ: слезы разлуки с близкими вновь поступивших, съезжавшихся порой из отдаленных сел уездной глуши, непривычная тягостная атмосфера строгого режима в «четыре-х стенах», неотлучное присутствие классных дам и надзирательниц, строжайшая дисциплина, неукоснительное исполнение распорядка дня — ранний подъем по звонку, хождение строем парами по росту в классы и столовую. После вольной домашней жизни нужно было привыкнуть к суровой атмосфере больших общих спален, многолюдных столовых, аскетически холодных коридоров и залов. Кухня самая простая — щи, каши, кисели. В некоторых училищах было довольно голодно — старались вынести хлеб из столовой, спрятав его под фартуком. В других, напротив, — кормили хорошо, с непременно-ми пирогами по

воскресным дням. Сладости и лакомства – как правило, только по особым случаям и исключительно от попечителей и благотворителей. Учеба у одних вызывала светлые воспоминания о наставниках – «корректных, справедливых, внимательных, вызывающих ответное глубокое благоговение», одних обожали, других боялись как огня. В одних училищах – ни одного литературного вечера, ни одного акта, ни наград и медалей из скупости и боязни лишних расходов, в других, напротив – на Рождество и Пасху постановки «живых картин», игра на фортепиано в четыре руки и даже танцы. Особый случай – посещение училища Высокопреосвященным – на время строгий распорядок дня нарушался (32).

Ничего в этих училищах не делалось без молитвы – молились утром, перед едой, перед сном. Во все праздничные дни, которых кстати, было не мало – воскресные, календарные, двенадцатые, царские дни (коронации, именины и др. членов царской семьи), ходили в домовую церковь ко всенощной и литургии. В Великий пост говели, исповедовались и причащались. Помогали в церкви при богослужении – подавали кадило, читали за псаломщика, пели в хоре.

Хотя какие-либо воспоминания воспитанниц о пребывании в Казанском епархиальном училище неизвестны, составить представление о том, чем был заполнен досуг воспитанниц все-таки можно по нескольким скупым замечаниям на страницах «Известий по Казанской епархии»: «Замкнутые в 4 стенах ученицы не могут не нуждаться в некоторых невинно-разумных развлечениях. К такого рода развлечениям относятся литературные и музыкально-вокальные вечера, чтения с «туманными картинами» (33). В этих вечерах активное участие принимали сами воспитанницы – звучала вокальная и инструментальная музыка, декламация, инсценировались драматические отрывки. С лекциями выступали преподаватели училища, в том числе и А.М. Магницкий. 31 марта 1902 года состоялся первый публичный вечер (как правило, на литературно-музыкальные вечера допускался лишь ограниченный круг лиц – родители воспитанниц, представители духовенства, почетные благотворители) в пользу попечительства о недостаточных ученицах училища преподавателя И.В. Альфонсова о путешествии в Германию (34). Вечера пользовались успехом, и их число ежегодно возрастало – в 1904/05 учебном году было проведено 15 таких вечеров. На Новый год обязательно ставилась Елка. В хорошую погоду были прогулки в саду на территории училища.

Особенным стал выпускной акт училища 1906 года. Ему на страницах «Известий по Казанской епархии» была посвящена отдельная публикация по тем причинам, что «настоящий 6 вы-

Казань. Епархиальное женское училище

Здание Епархиального училища. Казань. Открытка.

Примечания

1. Лихачева Е. Материалы по истории женского образования в России. 1828 - 1856 гг. - СПб. 1899; Владимирский В. Расширение и обновление казанского епархиального женского училища. Казань. 1900.
2. Архиепископ Павел (Лебедев Петр Васильевич), окончил Петербургскую духовную академию, магистр богословия. Инспектор и профессор догматического богословия Петербургской академии, епископ Выборгский, архиепископ Кишиневский и Хотинский, постоянный член Синода, экзарх Грузии, после несчастного случая - ранения от удара ножом семинаристом, перемещен на казанскую кафедру (1887-1892). Деятельный администратор, просветитель, Павел поддержал открытие в 1889 г. миссионерских курсов при Казанской духовной академии и Казанского епархиального училища. Скончался в Казани 23 апреля 1892 года и похоронен в Борисоглебском приделе Благовещенского собора. - Лит.: Липаков Е.В. Архипастыри Казанские. 1555-2007. — Казань. 2007. С.225-258.
3. Сельский Николай Дмитриевич (1869 (?) - ?), кандидат Казанской духовной академии, член уездного отделения епархиального училищного совета и епархиального попечительства. Священник Владимирского собора. Награжден камилавкой (1908). Лит.: Справочная книга Казанской епархии.- Казань. 1909. С. 35; Источников Михаил Константинович, магистр богословия, законоучитель училища и крещено-татарской школы, член Казанского епархиального училищного совета. Священник Введенской церкви при женском училище духовного ведомства. Имел орден Св. Анны 3 ст. - Лит.: Справочная книга Казанской епархии.- Казань. 1909. С. 25; А.М.Горшкова Протоиерей Михаил Источников. Жизнь. Служение. Кончина// Свяжские чтения. Вып. III. — 2012. С.5-11.
4. Миловидов Петр Диомидович (? — 17.3.1892, могила на Арском кладбище). Протоиерей, регент архиерейского хора, председатель строительного комитета здания Казанского епархиального женского училища.
5. Потапов Николай Гаврилович (1838-?), дворянин. Окончил петербургский университет. С 1890 года — Попечитель Казанского учебного округа. Кавалер орденов св. Анны 3 и 2 ст., св. Станислава 2 и 1 ст., св. Владимира 3 ст. — Лит.: Казанское дворянство. 1785-1917. Генеалогический словарь. - Казань 2001. С.452; Дьяченко Сергей Викторович (1846-1907), юрист, общественный деятель, Городской глава Казани в 1888- 1899, проявил большую энергию в деле благоустройства Казани (проведены телефон и электричество, налажено трамвайное сообщение, сооружена Кизическая дамба, устроено несколько общественных садов. Состоял членом многих попечительных советов и комитетов: Комитета о бедных, Ксенинской и Мариинской женских гимназий, Реального училища, Комитета о тюрьмах, Казанского городского сиротского суда. Содействовал открытию Казанской художественной школы, Городского музея, Дома трудолюбия. — Лит.: Татарская энциклопедия. Т.2. — Казань. 2005. С.327.
6. Известиях по Казанской епархии. 1890. № 19.

7. Литвинов Михаил Нилович(1860-?), гражданский инженер, коллежский секретарь. Занимал должности: архитектора Казанского университета (1886-1888), казанского городского архитектора (1888-1890), архитектора Всероссийской научно-промышленной выставки в Казани (1890), сверхштатного техника строительного отделения Казанского губернского правления (с 1890). Автор проектов культовых, гражданских и жилых построек в Казани. С 1891 года — в Москве, с 1897 — смотритель храма Христа-Спасителя. — Лит.: Муртазина Л.М. Казанские архитекторы конца XVIII - начала XX века. Биографический справочник. — Казань. 1999. С. 32-33.

8. Известия по Казанской епархии. 1891. № 16.

9. Остовский Александр Ефимович (1849 (?) - ?), гражданский инженер, надворный советник. Состоял в должности младшего инженера строительного отделения Казанского губернского правления (с 1878), младшего архитектора (с1892). Автор проектов преимущественно культовых построек в селах Казанской губернии. — Лит.: Муртазина Л.М. Казанские архитекторы конца XVIII - начала XX века. Биографический справочник. — Казань. 1999. С. 43.

10. Хрщонович Лев Казимирович (1838-1907), гражданский инженер, сын минского архитектора К.М.Хрщоновича, отец гражданского инженера Л.Л.Хрщоновича, дворянин, статский советник. Занимал должности помощника архитектора, младшего архитектора, штатного техника в Казанской губернской строительной и дорожной комиссии и строительном отделении Казанского губернского правления, Состоял в должности казанского губернского архитектора (с 1874), казанского губернского инженера (1881-1907). Действительный член Казанского экономического общества, почетный член Казанского попечительства о бедных, действительный член Общества археологии истории и этнографии при императорском Казанском университете. Автор многочисленных культовых и гражданских построек в Казани и селах Казанской губернии. Проектировал водопроводные, канализационные и электрические сети, разрабатывал варианты новой планировки Казани. — Лит.: Муртазина Л.М. Казанские архитекторы конца XVIII - начала XX века. Биографический справочник. — Казань. 1999. С. 63-64.

11. Малиновский Федор Николаевич (1864-?), дворянин, статский советник, гражданский инженер. Работал в Ломжинской и Тверской губерниях, в 1893-1907 гг. — казанский губернский архитектор, в 1895-1907 гг. — казанский епархиальный архитектор, в 1907-1911 гг. — казанский губернский инженер. Преподавал в Казанском промышленном училище (1902-1907). Член Общества попечения о бедных и больных детях (с 1888), имел благодарность Императора за отлично-усердные заботы о местных детских приютах ведомства учреждений императрицы Марии (1902). Состоял действительным членом Церковного историко-археологического общества Казанской епархии. С 1911 — в г. Ковно (Каунас). — Лит.: Муртазина Л.М. Казанские архитекторы конца XVIII - начала XX века. Биографический справочник. — Казань. 1999. С. 34-37.

12. Гейнс (Александрова) Ольга Сергеевна* (1845. Казань-31 октября 1927. Казань, похоронена в фамильном склепе Александровых на кладбище Зилантова монастыря (могила утрачена). Дочь одного из богатейших казанских купцов первой гильдии, коммерции советника, потомственного почетного гражданина, казанского городского головы С.Е. Александрова, жена казанского губернатора генерал-лейтенанта А.К. Гейнс (1834-1892), одна из крупнейших благотворительниц — почетный член едва ли не всех благотворительных обществ и учреждений Казани, почетная гражданка Казани, пожизненный член Совета Казанского Городского музея. На ее средства были приобретены и перестроены здания для Ксенинской женской гимназии, городской больницы с амбулаторией в Забулачной части Казани, Александринского детского приюта, ею пожертвованы средства на учреждение Мусульманской богадельни, передано в дар городу здание Александровского пассажа (одного из самых крупных и прибыльных торговых заведений города, арх. Руш. 1883-1886), на ее средства оплачивалась учеба нескольких учениц в Ксенинской и Мариинской женских гимназиях. К этому списку должна быть дополнена ее благотворительная деятельность в пользу Епархиального училища.

Одна из крупнейших казанских коллекционеров. Собрание включало 89 живописных полотен русских художников, произведения авторской графики и гравюры русских и западноевропейских мастеров, предметы фамильной обстановки и декоративно-прикладного искусства, представляющие художественный интерес. В собрании были также два варианта портретов О.С. Гейнс и ее супруга А.К.Гейнса кисти И.Е.Репина. В октябре 1918 году имущество О.С.Александровой — Гейнс было реквизировано, сама она выселена из своего дома и скончалась в нищете. Ныне сохранилось 30 произведений из собрания О.С.Александровой-Гейнс (в ГМИИ РТ, Национальном музее РТ, Музее уездного города (г. Чистополь), Мемориальном доме-музее И.И.Шишкина в г.Елабуге. - Лит.: Татарская энциклопедия. Том 1. — Казань. 2002. С.103-104.

13. Заусайлов Василий Иванович (1845, Казань — 1913), купец 2 гильдии, потомственный почетный гражданин, общественный деятель, коллекционер. Окончил Казанский университет. Совладелец и фактический руководитель банковской конторы «Товарищество А.А.Пенкина в Казани и К» с отделениями в Саратове,Екатеринбурге,Нижнем Новгороде. Владелец археологической и этнографической коллекции, насчитывавшей 10935 предметов. В 1909 году коллекция приобретена Национальным музеем Финляндии (ныне хранится в Хельсинки). Активно занимался общественной деятельностью: гласный Городской Думы председатель Казанского сиротского суда, один из основателей и первый директор Казанского городского музея. Состоял действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (с 1878) и Казанского экономическо-го общества недостаточным ученикам Казанской духовной академии. - Лит.: Татарская энциклопедия. Том 2. — Казань. 2005. С. 444.

14. «Известия по Казанской епархии». 1893. № 23.
15. См. об истории портрета: Образ «казанского антиквариума». Из истории одного портрета// Казань. 2009. № 9.- С.38-39. См. также о И.А. Фешине и А.Е. Семенове: Ключевская Е.П. Словарь казанских художников. Вторая половина XVI — начало XX века. — Санкт-Петербург. 2009. — С.54, 102.
16. Владимирский Н.И. Расширение и обновление епархиального женского училища// Известия по Казанской епархии. 1900. №21.С. 928-938.
17. Известия по Казанской епархии.1900 г. № 21. С.938.
18. Знаменский Петр Васильевич (1836-1917), доктор церковной и русской истории, профессор Казанской духовной академии. Автор получивших всероссийскую известность учебника «Руководство к русской церковной истории» (1870) и «Истории Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования» (Ч.1-2. 1891-1892). — Лит.: Татарская энциклопедия. Т.2. — Казань. 2005. С.485-486.
19. Цит. по: Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. — М. 1986. С.137.
20. Матвеевский Лаврентий Арефьевич (1841, г.Мариинский Посад — после 1917), купец 1 гильдии, потомственный почетный гражданин, общественный деятель. Крупный лесопромышленник, вел торговлю в Казани,Царицине, Астрахани. В начале XX в. — один из богатейших людей Казани: владелиц фирмы «Торговый дом Л.А.Матвеевский с сыновьями и П.М.Набоков», землевладелец в Казанской, Нижегородской, Костромской губерниях. Активно занимался общественной деятельностью, избирался городским головою Мариинского Посада, в 1879-1917 годах — ктигор (староста) Владимирского собора в Казани, председатель совета Казанского купеческого банка, попечитель Казанского комитета Императорского человеколюбивого общества, почетный член попечительства Казанского детского приюта ведомства императрицы Марии. Пожертвовал средства на строительство богадельни Императорского человеколюбивого общества, училища при Владимирском соборе, церквей в Мариинском Посаде и при Учительской инородческой семинарии, на постройку дома для казанской общины Красного Креста и постройку для нее церкви, на переустройство и расширение зданий казанского исправительного арестантского отделения. Имел ордена Св. Анны 2 и 3 ст., Св. Станислава 2 и 3 ст., золотую медаль «За усердие» на Станиславской ленте.- Лит.: Татарская Энциклопедия. Том 4. — Казань. 2008. С.89.

21. Известия по Казанской епархии. 1900. № 11. С.485.
22. Сахаров Федор Ильич (1867(?) - ?), окончил курс в 4-классном городском училище и миссионерские курсы. Учитель пения. Псаломщик в чине диакона Крестовоздвиженской церкви при императорском Казанском университете. - Лит.: Справочная книга Казанской епархии. – Казань. 1909. С.25.
23. Известия от Совета Казанского епархиального женского училища// Известия по Казанской епархии.1900. № 12, С.517.
24. Известия по Казанской епархии. 1901. № 6. С.257-260.
25. Устав епархиальных училищ. Глава 5// Известия по Казанской епархии.1869. № 3.
26. Устав епархиальных училищ. Глава 6// Известия по Казанской епархии.1869. № 3.
27. Известия по Казанской епархии. 1906. № 11. С.321-322.
28. Прибавление к церковным ведомостям 1902. № 51-52. С.1813. Цит по: Попова О.Д. В стенах конфекта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ), - Рязань. 2006. С.118.
29. Известия по Казанской епархии. 1903. №13.
30. Попова О.Д. В стенах конфекта. (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ), - Рязань. 2006.С.171; См. также – Альбом Международной выставки мелкой промышленности, профессионального образования и противопожарного дела в Казани. - 1909 г. С. 37.
31. Известия по Казанской епархии.1906. № 14-15. С.421.
32. Епархиалки. Воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. – М., 2011.
33. Известия по Казанской епархии. 1901. №3. С.182.
34. Известия по Казанской епархии. 1903. № 13. С.214.
35. Известия по Казанской епархии. 1903. № 23. С.724-726.
36. Известия по Казанской епархии. 1903. № 10. С.285.

Здание епархиального училища не меняло учебных функций и благодаря этому сохранилось. Ныне в нем размещается Казанская средняя школа № 18.

СВЯЖСК: ИЗВЕСТНЫЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

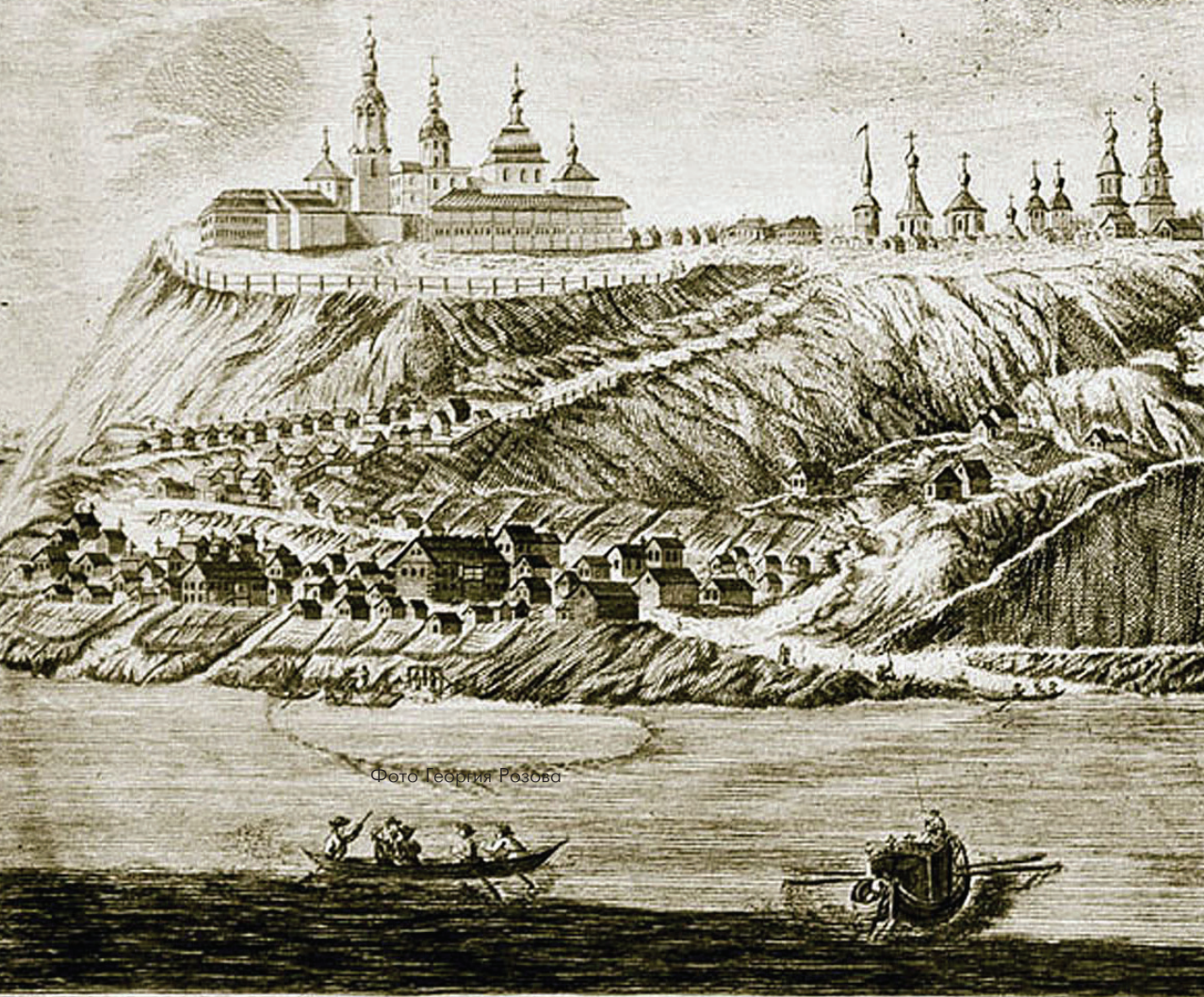

Фото Георгия Розова

Видъ города СВЯЖСКА при водоломѣ къ Полудню

У

**ВИЯЖСК:
ДОКУМЕНТ
ПО ЦЕРКОВНОЙ
ИСТОРИИ**

Ю.В. Гусаров

стр. 92

4

архив

настырь Раифский Богоро
Богородицкий мужской мо

раифский Богородицкий мужской монастырь
цкий мужской монастырь Раифский Богороди

ВНИМАНИЮ читателей предлагается документ по церковной истории Свяжска – указ Казанской духовной консистории от 12 марта 1763 г., данный Свяжскому духовному правлению в ответ на обращение священника и прихожан городской Воскресенской церкви к архиепископу Казанскому и Свяжскому Вениамину. Из него узнаем, что деревянная Воскресенская церковь была построена в 1753 г., но уже к 1763 г. пришла в аварийное состояние из-за размыва песчаного берега р. Свяги. Как выяснилось, в городе не было удобного места, куда можно было бы её перенести. Зато к этому времени по завещанию свияжского купца В.Я. Денисова, который был прихожанином Иоанно-Предтеченской церкви одноименного женского монастыря г. Свяжска, его дочь Авдотья Васильевна вместо сгоревшей в 1753 году городской Николаевской церкви построила каменный Благовещенский храм с двумя приделами (заложен в 1760 г.). В нарушение храмозданной грамоты новую церковь воздвигли не на прежнем месте (Базарная площадь), а в другом приходе по соседству с Софийской церковью. Причт и прихожане сгоревшей церкви были переведены к Казанской церкви Раифской пустыни, поэтому священник, причетники и прихожане Воскресенской церкви просили определить их к новопостроенной церкви, на что получили разрешение. Воскресенскую

же церковь, как аварийную, было решено продать «охочим людям», а вырученные средства хранить «для церковных надобностей». Отметим информацию документа о тесных семейных связях между купечеством городов Поволжья: упомянутая купчиха Авдотья Васильевна являлась женой крупного гражданского купца, депутата Уложенной комиссии Ф.И. Полстовалова.

Публикуемый указ хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук в составе личного фонда чувашского историка, этнографа Н.В. Никольского, представляющего собой крупное собрание материалов по истории и культуре народов Поволжья. Документ делопроизводственный, т.е. архивный, имеет размеры 21,5 x 35 см, находится в составе дела с документами разной тематики, преимущественно относящимися к периоду Февральской революции 1917 г. Сведения об истории его поступления к Н.В. Никольскому в нем отсутствуют. Это не единственный подобный документ в архиве ученого, известного своими трудами по истории христианизации народов Поволжья.

Публикация снабжена комментариями.

«Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийския из Казанской духовной консистории в Свияжское духовное правление. Сего 1763-го года марта 8 дня по указу ея императорскаго величества и по резолюции святейшаго правительствующаго Синода члена, преосвященнаго Вениамина(1), архиепископа Казанскаго и Свияжскаго, подписанной на поданном его преосвященству города Свияжска церкви Воскресения Христова от священника Флора Михайлова с причетники и с приходскими людьми прошения, коим объявляя, что де означенная Воскресенская церковь имеется деревянная, построенная в прошлом 1753-м году, при коей де он, священник, с причетниками своими в священнослужении, а прихожаня, коих де сто четыре двора, в приходе действительно имеются, которая де церковь состоит на берегу близ реки Свияги, от воды менее одной сажени, на пещаном месте и затем де оное место не только от волнения и разлития от оной реки Свияги в вешнее время полой воды, но и от дождевых ключей, також и от погоды, яко де есть место пещаное, весьма и помногу умалается, а гробы с умершими телесами ежевременно по вымытии водою переносятся в другия при той же церкви места, и затем де ныне умершия погребаются при других церквах, почему де и церкви святой в нынешнюю весну устоять на том месте никак невозможно, а перенести оную в том городе Свияжску удобнаго места нет, о чем де более засвидетельствовано присланным к бывому в Казани преосвященному Гавриилу епископу, что ныне архиепископ Санктпетербургский(2), прошлаго 1762-го года марта 6 дня из онаго Свияжскаго духовнаго правления доношением. А во оном же де городе Свияжску по благословению его преосвященства и по данной прошлаго ж 1760-го года июня 15 дня храмозданной граммати, а по прошению цивильскаго купца Федора Иванова сына Полстовалова(3) жены ево Авдотьи Васильевой дочери, по завещанию от отца ее, показаннаго свияжскаго купца Василья Яковлева сына Денисова, которой де был прихожанин Иоанновской Предтечевской церкви, что в девичье монастыре, строится вновь церковь Божия каменная во имя Благовещения пресвятыя Богородицы з двумя приделы: первой во имя великаго святителя Василия, архиепископа Кесарии Каппадокийскаго, вторы[й] во имя великаго ж святителя и чудотворца Николая(4), которыя де приделы и построены и убираются ныне церковным благолепием и уповательно де, что и ко освящению не замедлятся. А понеже де оную церковь построить от его преосвященства дозволено по прошению

1. Вениамин, в миру Василий Григорьевич Пуцек-Григорович (1706 — 1785), архиепископ Казанский и Свияжский в 1762 — 1775 гг., митрополит Казанский и Свияжский в 1775 — 1782 гг.

2. Гавриил, в миру Григорий Федорович Кременецкий (1708 — 1783), епископ Казанский и Свияжский в 1755 — 1762 гг., архиепископ Санкт-Петербургский в 1762 — 1770 гг.

3. Полстовалов Федор Иванович (ок. 1714 — 1790) — купец 1-й гильдии Цивильска. Владел крупяным, сальным, кожевенным предприятиями, мельницей в Цивильском уезде. Крупный хлеботорговец, вывозил партии юфти в Оренбург и Санкт-Петербург для продажи за границу. Являлся депутатом Уложенной комиссии 1767 г. от г. Цивильска.

СВЯЖСК:
**ПЕРВЫЙ ГОД
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ**

стр. 100

5

публицистика

СВНІАЖСК: НАЧАЛО ИСПЫТАНИЙ

ЖИВНАЯ ЖИЗНЬ уездного городка была нарушена уже летом 1917 года. Митинги, стихийно возникшие в городах и поселках России по поводу и без, докатились и сюда. Начались перебои с транспортными судами под Свяжском - невесть откуда появились агитаторы, желавшие толпы.

Крупный митинг состоялся в дни Первмая. Едва ли не все жители пришли послушать ораторов, приехавших из Казани. Недостатка в выступавших не было. Одни доказывали необходимость немедленного окончания войны, развала фронта и братания всех пролетариев земли. Другие, напротив, призывали к поддержке Временного правительства, агитировали подписаться на «Заём Свободы», разъясняли опасность развала государства.

Много и путано говорил рабочий-пороховик из Казани, повторяясь, объяснял, чего хотят большевики. Десятник местной артели грузчиков бобыль Филаретич, как вспоминали старожилы, попросил ответного слова: «Гладко и складно баил ты нам, мил человек, про счастье. И, видать, так тому и быть — пойдём голосовать за твой пятый номер, да поверь мне, старому человеку — споткнётесь вы, большевики, споткнётесь о то самое «моё».

Из экспозиций музея Гражданской войны.
Свяжск

нейшие и храбрые части царской армии, созданные лично Николаем II, рассчитывал Троцкий стремительно овладеть Казанью. Троцкому докладывали, что в подвалах банка на Проломной готовится эвакуация золотого запаса. Счёт времени шёл на часы.

В этот день жители Свияжска были разбужены артиллерийской дуэлью в районе Моркваш, где разгорелся кровавый бой на волжской глади. Но авантюра 10 августа, несмотря на отчаянные усилия «латышей», провалилась. Созданный наркомвоенмором в ту ночь Казанский участок войск оказался профессионально непригодным и напоминал пугачевскую вольницу.

К. Вацетис, командарм Восточного фронта, в прошлом кадровый полковник генштаба царской армии, осудил авантюру и распустил Казанский участок. Троцкий, по рассказам, скрежетал зубами от злости, но стерпел, проглотив пилюлю несостоявшегося полководца. В те дни покои женского Иоанно-Предтеченского монастыря приняли подводы с ранеными красногвардейцами, оставленными на попечение монахинь. «За нерадение ответите по всей строгости революционных законов», — пригрозил им прибывший с подводами комиссар.

На следующий день, 16 августа, директивой фронта была создана 5-я Красная армия. Командующими были назначены также бывший полковник генштаба царской армии и начальник снабжения латышской дивизии П.А. Славен, политкомиссаром

и членом РВС-5 — А. Розенгольд, начальником штаба — тоже офицер генштаба А. Андерсон. Троцкий учёл первый опыт поражения и сделал верный вывод — победу принесут лишь профессионалы.

Понимал он и учитывал и другое — только животный страх и инстинкт самосохранения способны дисциплинировать анархическую, идейно далекую от целей и идеалов большевизма массу людей. Позднее, анализируя свой опыт поражений и побед, Троцкий писал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армию и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади».

Под Свияжском Троцкий ввёл первые заградительные отряды, позже успешно использованные Сталиным. Тогда же наркомвоенмор осуществил и первую децимацию — расстрел каждого десятого бойца вместе с командирами. В ночь на 29 августа 1918 года 2-й Нумерной Петроградский полк под превосходящими силами генерала Каппеля оставил позиции и бежал. Разъярённый Троцкий потребовал расстрелять комиссара полка Пантелеева и командира Гнеушева. В три приёма расстреляли 41 человека. Вблизи Вязовых трупы расстрелянных побросали в воду и для верности поутюжили винтами катеров. А 30 августа утром жители города Свияжска выловили несколько обезображенных тел. То были погибшие петроградские рабочие-полиграфисты, не обученные даже азам военного дела. Несчастных хоронили монахи на монастырском кладбище Успенского монастыря.

Из экспозиций музея Гражданской войны.

Свияжск

КАК ЭТО БЫЛО

...В то раннее утро на зелёном лугу, близ церкви Рождества, стал собираться народ. Ещё с вечера по домам ходили трое причудливо одетых солдат с предупреждением явиться завтра на сход, разъясняя и предупреждая. Откуда-то с баржи была привезена сколоченная из досок и выкрашенная суриком тумба. Поутру её едва укрепили, как два матроса принесли что-то закутанное в оружейный чехол и привернули гайками к болтам на тумбе.

В поддень к острову подошёл катер Льва Троцкого. В сопровождении трёх вооружённых латышей и какого-то верзилы председатель РВС бодро поднялся на пригорок. На лугу уже стоял поданный с буксира легковой автомобиль с открытым верхом, поглазеть на который и собирался народ - роскошь, невиданная для этих мест. Поперёк машины положили доску, на которую взобрался сам наркомвоенмор, ястребиным взором окинул собравшихся, коих было немного, - старики и старухи, местный юродивый «Афоня», увешанный ржавыми веригами, мужики, баба с ведром да утрюмые лица в серых солдатских шинелях и матросских бушлатах.

«Граждане Свободной России! — начал председатель РВС. — Сегодня на этом острове, где попы и эксплуататоры всех мастей веками морочили головы трудовому народу, мы открываем памятник первому в истории бунтарю, первому революционному протестанту — Иуде Искаротию. Пусть вас не смущает фигура этого библейского персонажа. Революционный протест родился уже в глубокой древности, когда ... — Поилась стройная речь, оратор всё больше распалялся, но, видя постные, позёвывающие, помятые бессонными ночами и самогоном усталые лица, как-то вдруг осёкся и, прокричав: - «Да здравствует мировая революция!» - закончил. Свернули брезентовый чехол, и взору присутствующих предстал щедедушный гипсовый истукан в рубище, с искажённым злобной гримасой лицом, потрясавший кулаком в небо.

Матросы и латыши нестройно захлопали. Поднялись «сказать слово» и другие ораторы — скуластый

человек, похожий на калмыка, в простреленной шинели со следами крови; какой-то маленький пузатый человек со шрамом на лице «плевался» в толпу словами и, беспрепятственно бия себя в грудь, напоминал ей о своих страданиях при царском режиме.

«Всё ли понятно трудящимся?» — обратился к толпе высокий в шинели, командарм П. Славен.

«Без сапогов что ль ходит?» — робко спросил кто-то из толпы. Тут все заметили, что истукан как бы бос.

«Что ему сапоги — Христа продал! Господи, прости», — выдохнул кто-то в толпе. Народ начинал роптать, старухи крестились...

Александр Вараксин.
Дорогами российской смуты.
Берлин, 1923.

Из сборника «Белый Путь»
издательства
«Уральский рабочий». 1988 год.

Из экспозиций музея
Гражданской войны.

Свияжск

СВЯЖСКИЙ Успенский монастырь 26 июля (по старому стилю) 1918 года прибыли красноармейцы, чтобы реквизировать хлебные запасы. Епископ Амвросий вышел к солдатам в четыре часа пополудни, протестуя против очередного насилия, и был арестован.

Владыку отвели к городскому собору и, подождав полчаса, повезли его на станцию Свяжск. Здесь, в вагоне, преосвященный Амвросий и ночевал. 27-го, в седьмом часу утра, владыку вывели близ станции в поле, где, по свидетельствам очевидцев, преосвященный стоял на коленях и с воздетыми руками молился Богу, пока рыли для него неглубокую могилу. Потом последовали выстрелы. Владыку стащили в яму и присыпали землёй. Так о смерти епископа Амвросия рассказала очевидица Александра Филипповна Ваняшина, жившая близ станции, на задах огорода которой и находится в поле могила преосвященного Амвросия.

В те же дни свяжского кошмара погиб отец Константин Далматов - священник Софийской церкви города Свяжска, заслуженный и уважаемый протоиерей. Это был нищелюбивый и бескорыстный пастырь, человек уди-

ГИБЕЛЬ СВЯЩЕННИКОВ

В центре -
священник Далматов,
Пасха.
Свяжск. 1915 г.

Из архивов фотографа
Арнольда Ивановича Бренинга.

вительной простоты и редкого дара проповеди. Так же безвозмездно исполнял он обязанности заведующего и законоучителя церковно-приходских школ, и это при том, что на его иждивении, помимо матушки, находились десять детей.

Имя этого тихого старца, столь любимого приходскими и приютскими детьми (коих батюшка окормлял и духовно, и материально), было известно далеко за пределами провинциального Свяжска.

После прихода в Свяжск войск Троцкого отец Константин Далматов был обвинён в том, что он, шестидесятичетырехлетний почтенный старец, стрелял с колокольни Софийской церкви в наступавших красногвардейцев из пулемёта. После этого престарелого протоиерея расстреляли. Было это 25 июля 1918 года, в День Успения праведницы Анны, матери Пресвятой Богородицы.

Александр Владимирович
ЖУРАВСКИЙ,
из книги «Раифа-Свяжск»

ОСЕНЬЮ 18-ГО...

— В одну ночь стрельба пошла сильная, нас три сестры было, отец нас увел, в Успенском соборе в подвале спасались. Белые пришли ночью, из Гаврилкова. Многие из солдат не были дома еще с мировой войны, шли усталые, измученные. Приняли их неплохо. Городской голова Федор Павлович Поляков распорядился их ужином накормить. А к утру пришли красные. Они совсем с другой стороны пришли. Белые по садам попрятались. Двоих в саду у стариков Цветковых нашли. Красные взяли стариков этих и расстреляли на площади. А вместе с ними и городского голову Федора Павловича, он нам дядей приходился, и двух братьев Кондратьевых, за что не помню, всего восемнадцать человек расстреляли. Особенно все Леночку Пульхеровскую жалели, двадцать пять лет ей было, хорошенькая была, славная. Она в городской управе работала бухгалтером, говорят, белым продукты выписывала.

Расстреляли их и аккуратно так, рядком на площади положили. Родственникам похоронить не отдали, даже близко не подпустили. Закопали на берегу Свяги в песок, просто в песок зарыли и все. Их потом еще долго из песка вымывало, шарф Леночкин, гребенки. Все уже знали — это Леночки Пульхеровской вещи.

Тем утром отец наш (он кузнец был), в кузницу пошел, а брат мой Степа — на площадь. Ему сказали — там восемнадцать расстрелянных лежат, и среди них родственники наши. На площади его и взяли. Он после армии был, в шинели ходил. «Ты что, скрываешься?» — спросил его солдат и повел в тюрьму. А ночью расстрелять хотели, за белого приняли. Отец к коменданту побежал с документами, а тот документы Степины порвал, не поверил. Уже все дядья прибежали, их пятеро братьев Дьячковых-то было, все равно не верит. Приказал солдату вести Степу на расстрел. Поставил его к стенке и спрашивает: «Скажи по правде, ты белый или красный?» А Степа ему: «Да я только что раненный с фронта пришел». Солдат его назад к коменданту повел: не могу расстреливать, и все тут!..

Мать наша долго потом за него молилась, за этого солдата. Комендант спрашивает: «Чем еще подтвердить можешь, что не с белыми пришел?» Отец сообразил, вспомнил: «Мы ведь уже две недели казакам лошадей куюм». Тогда Степу отпустили. Как белая бумага был. Потом у него из ноздри кровь пошла. И так весь истек. Двадцать пять лет ему было, бедному. Когда все это случилось? Да осенью же, восемнадцатого.

Записал
Александр Георгиевич МЮЛЛЕР
со слов Ольги Ивановны
Романовской в Свяжске
осенью 1989 года

ежегодное православное издание

**Издание представляет интерес
для широкого круга читателей**

Формат 170x240

Бумага

офсет и мелованная 90 г/м

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Вертола»:
г. Йошкар-Ола, ул. Толстого, 45**

Заказ №

от 30.12.2017

© Раифский Богородицкий мужской монастырь.

Все права защищены.

Копирование, тиражирование и использование в любой форме посредством любых систем воспроизведения содержания Альманаха без письменного разрешения редакции не допускается.